

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 15

1985

Борис ПРОТОПОПОВ

**НА ПОВЕРКУ
НЕ ЯВИЛИСЬ...**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 15

Борис ПРОТОПОПОВ

НА ПОВЕРКУ НЕ ЯВИЛИСЬ...

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Борис ПРОТОПОПОВ

Борис Сергеевич Протопопов более сорока лет работает в печати. Читатели хорошо знакомы с ним по его очеркам, рассказам, фельетонам в «Правде», «Комсомольской правде», «Советской России», «Огоньке», других центральных газетах и журналах.

Первый фельетон Б. Протопопова был напечатан в 1936 году в заводской многотиражке, на предприятии, где он работал токарем.

В 1941—1947 годах Б. Протопопов — военный корреспондент. В боях за Москву был ранен. После войны — заведующий отделом «Пионерской правды», затем фельетонист «Комсомольской правды», заведующий отделом фельетонов «Советской России».

В московских издательствах вышло шесть сборников рассказов и фельетонов Б. Протопопова: «Бельмо на глазу», «Улыбка Немезиды», «Загадка природы», «Мораль на предъявителя», «Обаятельная плесень», «Тополь за окном».

Б. Протопопов награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За трудовое отличие» и другими.

Заслуженный работник культуры РСФСР.

НА ПОВЕРКУ НЕ ЯВИЛИСЬ...

Ясным осенним днем сидел я в Нескучном саду с газетой в руках. Неподалеку, у крошечного пруда возились дети, с восторгом шурша опавшей листвой. Из березовой рощи тянуло сладкой влажной прелью. Так мирно и спокойно было в парке!

Когда солнце стало припекать сильнее, я переместился в тень за беседку, а мое место занял старик в широкополой шляпе, каких давно уже не носят в наше время. Ее-то я и заметил в первую очередь. Потом перевел взгляд на лицо старика. Оно тоже показалось мне необыкновенным. Глубокие морщины, запавший тонкогубый рот, очки в тонкой оправе — и лихо закрученные в стрелки, торчком, седые усы. До того эти молодецкие усы не вязались со всем его обликом, что мне подумалось: старик закрутил их с вызовом, для смеха.

Он был возбужден. Положив на скамейку рядом с собой небольшую досечку, прибиту к палке на манер таблички «По газонам не ходить», он внимательно оглядел всех сидящих на скамейках, потом, перейдя площадку, остановился у березы, стоящей неподалеку, радостно, как-то украдкой осмотрел ее, смущенно улыбаясь, и даже, по-моему, легонько погладил по шершавой коре. Вернулся обратно, воткнул перед скамейкой свою табличку, сел и тоже развернул газету.

Читал он невнимательно. То и дело вставал, снимал очки, протирал их платком. Пристально смотрел в конец аллеи, которая шла от входа в парк и, приметив идущего по ней человека, быстро садился и, как-то лукаво улыбаясь, загораживался газетой.

Но никто из прохожих не был тем, кого он ждал. Кинув им вслед разочарованный взгляд, старик снова откладывал газету.

«Уж не свидание ли у старого гусара, — подумал я, — да нет, не похоже... Что ж тогда? Может быть, свидание с молодостью? Когда-то ОН и ОНА стояли здесь. Тогда же на молодой березке был вырезан заветный вензель. И вот теперь, через громаду лет — встреча?»

Это бывает.

Помню, очень давно, случилось мне по заданию газеты сопровождать Марию Петровну Д. в ее родной городок. Именно там почему-то собрался высоконучный симпозиум. Времени было в обрез, но учения старушка, доктор физико-математических наук, мировая знаменитость, остановилась вдруг перед какой-то каменной сторожкой, пошарила рукой по стене и смущенно попросила:

— Ну-ка, молодой человек, посмотрите, что значится здесь!

Я наклонился и с изумлением прочитал: «Коля плюс Маша», глубоко процарапанное на кирпиче.

Помню, очень веселился тогда.

Сейчас это не кажется мне таким уж смешным...

...Поверив в такой вариант, я следил за стариком с усиленным вниманием.

Прошло часа два, и он стал необыкновенно суетлив. То и дело вскакивал, вынимал часы, доставал сигарету и прикуривал, в волнении ломая спички. Свидание не получалось!.. Однако что там у него за табличка?

Я встал и, сделав большой круг, прошел мимо старика.

«164 ОТДЕЛЬНЫЙ... НА ПОВЕРКУ СТАНОВИСЬ!» — было написано на фанерке.

Конечно! Здесь, в Нескучном, формировалось народное ополчение в сорок первом году!

Смущенный, я вернулся на свое место. Уйти уже не было сил. Теперь так же, как и старик, с волнением смотрел я на вход в парк, и, когда там показывалась мужская фигура, поспешно переводил взгляд на старика. Нет... не тот... Не те...

«В конце концов могли задержать служебные дела!» — успокаивал я мысленно и его, да теперь уже и себя тоже. И сейчас же вспоминал, что сегодня воскресенье. Больны, может... Или сидят перед телевизором, забыв о торжественном обещании, что дали друг другу в тот день после Победы, когда, крепко обнявшись на прощание, разъезжались по родным домам.

И такое ведь бывает!

Больно было смотреть на старика. Он еще бодрился, но горестное недоумение все чаще появлялось на его лице. Теперь он сидел, распахнувшись, и я отметил, что не больно густо украшена его грудь наградами. Ничего — иная медаль большого ордена стоит. Помню, в нашем корпусе командир роты, представляя своего танкиста к награде, написал коротко: «На своей машине первым ворвался в город...» Комбат же, раздосадованный тем, что только этот танк и остался в роте после боя, зачеркнул слова «...к ордену Красного Знамени» и написал: «...к медали «За отвагу», хотя орден был бы тому парню в самый раз...

Молодая пара прошла мимо старика. Юноша наклонился, и, подняв широкополую шляпу, упавшую на землю, с улыбкой положил ему на колени.

Тот даже не шевельнулся. Подавшись все телом вперед, он смотрел перед собой невидящими глазами. Может быть, в тот момент пришла для него та, до звона в ушах, мертвая тишина, что наступает после артподготовки, и, напружинив тело для прыжка из окопа, он ждал, когда крикнет политрук: «За Родину... вперед!»

Дорого дал бы я, чтобы сейчас вот показался в аллее спешащий сюда человек. Пусть бы подошел и крепко обнял за плечи: «Жив, старина?!» Они постояли бы так, обнявшись, потом, отпрянув, поглядели бы друг другу в лицо, растроганно улыбаясь. И начались бы бесконечные и дорогие «А помнишь?!», воскрешающие незабываемую, боевую молодость.

Но никто не подходил.

Я встал. Долго бродил по парку, не разбирая дороги. Опять, сделав круг, вышел на главную аллею.

Старик сидел неподвижно, так же упорно глядя куда-то вдаль. Табличка с надписью «164 ОТДЕЛЬНЫЙ... НА ПОВЕРКУ СТАНОВИСЬ!» лежала на скамейке.

«А, может быть, и приходиться уже некому?» — вдруг подумал я, и сердце горько и больно сжалось.

О, солдаты Отечественной войны! Пожалуйста, живите подольше! Живые памятники неизбежного горя великого народа, отдавшие все для великого его торжества. Вы так дороги, так нужны нам!

ДЕНЬ ОТДЫХА

— Лейтенант! Товарищ лейтенант! — отчаявшись, Скуратов сильно дернул спящего за ногу.

— А?! — сейчас же подал голос лейтенант Ермашев и сел на кровати. — Опять пошли, а почему тихо? — потом разлепил веки и посмотрел на ухмыляющегося ординарца: — Зачем поднял?

— Капитан срочно требует. Всех командиров рот, — сказал Скуратов и, оглянувшись на дверь, добавил тише: — Слышать, сменяют нас...

— Что ты мелешь, кто сменяет?

— Да уж точно, — упорствовал ординарец. — Отдельный стрелковый батальон. Командир уж тут!

— «Командир тут»... — передразнил Ермашев. — «Сменяют», когда Берлин — вот он! Порешь черт-те что! Развеселился... Слей-ка воды! — добавил он, снимая гимнастерку.

— «Развеселился», — повторил в свою очередь Скуратов, поливая обнаженного по пояс лейтенанта. — Чай, и после войны пожить хочется!

Только после третьего намыливания с лейтенанта потекла, наконец, светлая вода. «Стоп!» — сказал он, крепко обтерся полотенцем и с удовольствием посмотрел на свое круглое, румяное лицо в большое зеркало, аккуратно прибитое к стене бункера.

— Туточка и бритва и вся справа есть, — сказал Скуратов, заглядывая в тумбочку у кровати. — О, глядите — крем француз...

— Ну его к шутам, — брезгливо понюхав из баночки, поморщился лейтенант, — он туда лапами лазил. Дай-ка мой прибор!

— Хозяйственный фриц,— продолжал Скуратов, доставая из полевой сумки лейтенанта безопасную бритву, помазок и мыло, завернутые в бумагу.— Вон и бутерброды в пакетике!

— Выбрось их... Шнапса нет?

— Шнапса нет,— с сожалением сказал Скуратов.— Чай капитан поднесет!

— Дождись! — пробормотал Ермашев, смывая пену.

Он оделся, туго затянул на шинели ремень, привычным движением расправил спереди складки и, сдвинув шапку на правую бровь, обернулся к Скуратову: «Ну, как?»

— Порядок,— сказал тот восхищенно,— даже нисколько не похоже, что вчера километра два носом землю рыли!

На улице ослепительно сверкало апрельское солнце. Снега уже не было. Слабо парила на бруствере земля. Только в глубоких, в полный рост, ходах сообщения было еще сумрачно и под аккуратно настиленными досками хлюпала вода.

На обломках развороченного снарядам дота сидели и лежали легкораненые, выползшие из блиндажей на вольный дух.

— Гляди, ребята, фашисты воздушный привет не прислали бы! — крикнул им лейтенант.

— До полудня не очухаются! — уверенно сказал, приподнимаясь, усатый солдат.— После вчерашнего им время надо в себя прийти... А что, товарищ гвардии лейтенант, слышно, сменяют нас?

— Вас-то может быть, а мы еще здесь повоюем! — ответил Ермашев и, остановив проходившего мимо солдата, приказал позвать старшину.

— Не может того быть, товарищи, чтоб нас сейчас в тыл,— продолжал он,— скоро Берлин штурмовать, а там и войне конец. За что же нам такая обида?! Я еще дознаюсь, кто этот слух пустил!

— И верно, не должны бы...— сказал усатый.

Подошел старшина роты Демиденко. Козырнув, доложил, что все тяжелораненые эвакуированы еще ночью. Протянул список потерь.

Отойдя в сторону, лейтенант развернул замусоленную школьную тетрадь, перелистал, взглянул на последнюю страницу. Губы у него задрожали. «Что ж это, Ваня?» — сказал он жалобно.

— Так уж вот...— сказал старшина, глядя в сторону.

— И Сипягин, и Бойко, и Коля Ключарев...

— Ключарев пока живой,— шло промолвил Демиденко,— поуродован только сильно. Едва ли доведут... Что ж вы хотите,— прибавил он,— такой бой был! Вон ведь они как сидели! — Он кивнул на развороченный дот.— Со стороны и поглядеть страшно!

— А кто слух пустил, что сменяют нас? — спросил Ермашев.

— Точно, сменяют,— ответил старшина.— Одер форсировать мы, а Берлин брать другие...

— Отставить разговоры,— сказал лейтенант и взглянул на

часы.— Мне пора. Кухня прибыла? Накормить бойцов, проверить оружие. Пока все. Можете идти!

Отворив дверь в блиндаж, который занял комбат, Ермашев рядом с ним, за небольшим столом, увидел незнакомого майора с орденом Красного Знамени на груди.

— Садись,— скучным голосом сказал капитан в ответ на нарочито четкое приветствие.— Список потерь! — добавил он, протягивая руку.

Просмотрев тетрадку, он молча вместе с другими такими же položил ее перед собой и негромко сказал:

— Я собрал вас, товарищи, чтобы объявить приказ комдива: ввиду больших потерь и усталости личного состава вывести третий гвардейский стрелковый батальон... Третий стрелковый батальон,— возвысил он голос, прерывая поднявшийся было ропот,— на отдых и пополнение. Куда, будет объявлено особо. Никаких речей,— добавил он, видя, что кто-то из офицеров приподнялся с места.— Все!

Вечером Ермашев дождался командира роты, которая должна была занять его участок, пожелал ему успехов и по ходу сообщения спустился в лошину, где уже строились остатки батальона.

Тихо прозвучали команды, и темные прямоугольники рот двинулись по направлению к шоссе.

На бетонке приглушенно урчали автомашины. Через полчаса батальон был доставлен к железнодорожным путям, а утром, выглянув из окна теплушки, Ермашев увидел, что поезд стоит на маленькой станции с дощатой платформой. У полуразрушенного, тоже деревянного, вокзала стояли три польских жолнера в угольчатых фуражках, с большими лакированными козырьками и в ярко начищенных сапогах. Сразу за станцией начинался лес, уже подернутый зеленоватой дымкой от развертывающихся почек. Вправо блестела под солнцем небольшая извилистая речушка. По ее берегам бродили две тощие коровы.

— Что за остановка? — крикнул Ермашев, дивясь, как громко прозвучал его голос в непривычной тишине.

— То Хворощ, пан офицер! — ответил один из жолнеров, вежливо приложив два пальца к козырьку.

Впереди из штабного вагона вышел комбат, снял фуражку и удивленно огляделся кругом. Легкий теплый ветер шевелил редкие волосы на его голове.

Польские солдаты опять взяли под козырек. Комбат ответил на приветствие и, на ходу вынимая из планшета карту, направился к ним.

Там они потолковали, попеременно тыкая пальцами в карту. Потом капитан обернулся и, увидев Ермашева, крикнул весело: «Прибыли! Давай подъем и — сгружаться!»

— Есть,— откликнулся Ермашев и звонко запел: «Подъем... Выходи строиться!»

Вскоре штабной «додж-три четверти» с адъютантом батальона умчался по заросшей лесной дороге, а следом двинулся и батальон. Как было приказано, через пять километров он остановился на перекрестке дорог, где высился замшелый деревянный крест с фигуркой спящего Христа. Здесь лес расступался, и открывалось небольшое имение — фольварк с белым каменным домом в центре и маленьким костелом возле него. Внизу разбежались по пригорку белые хатки. За светлой речкой, вдоль берега, в две линии протянулась деревня Липянич, куда и приказал двигаться ермашевской роте прибывший сюда адъютант.

Ермашев скомандовал: «Левое плечо вперед!», и рота, спустившись с косогора к узеньким мосткам, перешла на ту сторону речки.

У околицы Ермашев приказал подтянуться и, улыбаясь, скомандовал: «Песню!»

Некоторое время длилось недоуменное молчание. Рота еще ни разу не уходила с передовой, пополняясь в боях, а какие же песни на передовой!

Однако вскоре чей-то неуверенный голос начал —

Ой, ты, Галю, Галю молодая...

И сейчас же, с подголосками, с присвистом рота гаркнула:

Пидманулы Галю, забрали с собою...

«Вот это да!» — радостно заметил Ермашев, счастливыми глазами посматривая на солдат. Занял свое место впереди и, разбрызгивая всеннюю грязь, зашагал в такт.

Белые, казавшиеся нежилыми, хатки ожили. В окнах отдергивались занавески. Сначала на дорогу высыпали белоголовые ребятишки, потом вышли на дорогу старухи и старики. Настороженно поглядывали из-под темных, сморщенных ладоней.

«Бедно живут», — отметил про себя Ермашев, оглядывая жалкие домишки, крытые соломой, заросшие бурьяном дворы и оборванных ребятишек.

Жилье лейтенанту было отведено в центре деревушки, в таком же, как и все, неказистом домике. Возле хаты торчала высокая жердь с укрепленным наверху тележным колесом. В куче сухих веток — гнезде там стоял аист и строго смотрел на лейтенанта.

Ермашев долго с изумлением его рассматривал, сказал: «Здравствуй, птица», поскреб ноги о железную скобу и вошел в дом.

Худая высокая женщина встала ему навстречу из-за стола. Две русые девчонки прятались у нее за юбкой.

— День добрый, — поздоровался лейтенант.

— День добрый, пану, — отозвалась хозяйка, не поднимая глаз от пола.

С охапкой хвороста шумно вошел Скуратов. Женщина сразу же захлопотала у печки, набрала растопки, развела огонь, потом, схватив

ведра, опрометью побежала за водой. За ней выбежали и девчонки.

— Суетливая какая-то, боится, что ли? — спросил лейтенант.

— Засуетишься, — отозвался Скуратов, раздувая огонь, — черт-те что им фашисты наговорили про нас... Спросите-ка у Анны Людвиговны, где ее старшая дочь прячется?

— Ну, это дело не наше... Как там с кухней?

— Сейчас сбегаяю, — сказал Скуратов.

Оставшись один, лейтенант оглянулся кругом. Глиняный, плотно убитый пол. Беленые известью стены с пожелтевшими фотографиями на них. На одной хозяйка и плотный мужчина в пиджаке и галстук, выкатив глаза, сидели перед домом на скамейке с ребятишками на руках. Сзади стояла девочка побольше. На другой фотографии центральное место занимала пестрая корова с веревкой на рогах. За веревку, радостно улыбаясь, держался тот же мужчина, а вокруг с веселыми лицами стояли хозяйка с подойником в руках и те же девчонки. «Буренку купили», — догадался Ермашев.

Осколок зеркала в углу, возле него на специальной полочке фарфоровая «Матка-бозка» в голубеньком платице. Стол и скамейка у печки — вот и все убранство.

«Бедно, бедно живут!» — опять подумал лейтенант и, завидя в окно хозяйку с полными ведрами, пошел открыть ей дверь.

— Дзенку пана, — тихо сказала она, ставя ведра у порога.

Затопал в сенях Скуратов.

— Обед откладывается по причине бани! — весело крикнул он с порога. — Вот и белье получил у старшины!

— Ну да?! — радостно отозвался Ермашев, — баня... Ну — блеск!

Когда, разомлевшие после бани, они вернулись в хату, на столе, застеленном по краям чистыми полотенцами, стояла большая глиняная чашка с горячим картофелем и какие-то лепешки в щербатой тарелке.

Скуратов сейчас же выложил сливочное масло в баночке, колбасу, буханку хлеба и две плитки трофейного шоколада в яркой упаковке. Горкой насыпал на бумажку сахар.

Глаза у девчонок открывались все шире и шире. Младшая шагнула было к столу, привлеченная сказочной снедью.

— Геть! — щелкнула ее по лбу мать.

Ермашев засмеялся и широким жестом пригласил всех за стол.

— Садитесь, садитесь, — подтолкнул хозяйку Скуратов, видя, что та стоит в нерешительности. — Вот и у меня так-то дома, как сядем все — стола не хватает. Одних сынов трое да девок четыре единицы...

Он вздохнул и положил девчонкам по толстому куску колбасы.

Чтобы не смущать их, лейтенант нарочно завел с ординарцем деловой разговор, потом встал.

— Куда же вы? — испугался Скуратов. — Сейчас борщ с кухни принесут, я заказал...

— В штаб пора, — сказал Ермашев и тихонько добавил: — Покорми их хорошенько. Жалость берет смотреть!

Он потянулся за шинелью, но, поглядев в окно, решил, что надевать ее не стоит, перекинул планшет через плечо и вышел на залитую солнцем улицу.

Осторожно ставя ноги, чтобы не запачкать сапоги, он спустился к речушке и остановился, чтобы пропустить девушку, направлявшуюся с того берега к мосткам. Она осторожно ступила на зыбкие жердочки и, только поравнявшись с лейтенантом, посмотрела на него.

Ермашев увидел огромные испуганные глаза в черных мохнатых ресницах.

— День добрый!

— Да... Здравствуйте! — растерянно ответил он уже ей вслед.

Отошел и еще раз оглянулся. Тоненькая фигурка повернула к дому Анны Людвиговны. «Это же дочка ее!» — догадался Ермашев и быстро зашагал к штабу, улыбаясь почему-то.

В штабе командир батальона выслушал доклады ротных о том, как размещены люди, сказал, чтобы приготовились принять пополнение, которое прибывает на днях. Сегодня пусть все отдыхают, а завтра нужно начинать строевые занятия, учебные стрельбы, повторить устав и вообще подтянуть дисциплинку.

Когда офицеры вышли из штаба, солнце уже клонилось к западу, но было еще жарко. Весенняя грязь подсыхала прямо на глазах. Ермашев шел и думал о том, что счастливый он все-таки парень. Ну, кому так везет — войне конец скоро, а он, почитай что, и не ранен. Руку царапнуло только да землей раз привалило. В двадцать четыре года уже ротой командует, три боевых ордена на гимнастерке. Теперь еще и отдых... Недели две пробудут в этой благословенной тишине! ...А эту речушку, между прочим, можно запросто перепрыгнуть!..

Он хотел уже разбежаться, но подумал, что его могут увидеть солдаты, да и из окошка хаты Анны Людвиговны он виден.

Еще на околице деревушки он услышал металлический звон, будто кто стучал в железное било. Так когда-то собирали их на обед в пионерском лагере. Звук неся из маленькой кухни, на которой до этого висел большой ржавый замок. Теперь двери были широко открыты. Около них стоял белобородый старик, держа за повод серую клячу. Он смущенно посмотрел на лейтенанта.

— Леший нескладный, тут не сила, а смекалка нужна, — слышался из кухни знакомый голос. — Я ж тебе ручником указую, где надо бить!

— Ну-ну, ты не больно-то, а то возьму и совсем брошу! — гудел в ответ другой голос.

— Давай, давай, а то остынет... Разговорился!

Ермашев заглянул в дверь и увидел возле наковальни Демиденко с кувалдой и потного, взлохмаченного Скуратова.

«Ах, да, ведь он же кузнец по профессии!» — вспомнил лейтенант.

Удары посыпались чаще. Наконец Скуратов сказал: «Стоп!» Поработал один ручником, бросил в общую кучу четвертую подкову и взглянул на Ермашева.

— Отвел душу? — улыбнулся тот.

— Как дома побыл! — сказал Скуратов и счастливо засмеялся.

— Все это так, — строго сказал Ермашев, — но все-таки не забывай, что ты рядовой, а Демиденко — старшина!

— Я в своем деле тоже генерал, — отшутился Скуратов.

Подойдя к лошади, он властно похлопал ее по ляжке: «Ну-ка, ножку!» Посмотрел копыто и сказал: «Разрешите, гвардии старшина, попросить вас принести рапиру. За горном я его видел!»

Ермашев усмехнулся и пошел домой, думая, что и еще должно сегодня случиться что-нибудь хорошее, если уж так удачно складывается день. И верно. Не успел подняться на крыльцо, дверь отворилась, и с ведром в руке вышла давешняя незнакомка.

— Не бойтесь, пожалуйста, я на квартире у вас стою, а вовсе не то, что вы, может быть, подумаете, — поспешно сказал лейтенант, видя ее смущение. — Чего вы все нас боитесь? — добавил он с досадой.

И, чувствуя, что краснеет, решительно взял из ее рук ведро и направился к колодцу с высоким журавлем.

Сурово хмурясь, Ермашев прицепил ведро к железной цепи, зачерпнул воду, но, когда поднимал его кверху, зацепил дужкой за край сруба и чуть не половину вылил себе на галифе.

— Ах, чтоб тебя, — пробормотал он, отряхиваясь.

— Ой! — раздалось сзади. Зажав рот рукой, девушка кисла от смеха.

Ермашев тоже засмеялся и, зачерпнув горстью воды, сделал вид, что хочет ее обрызгнуть.

Она отбежала и, улыбаясь, глядела на него блестящими глазами.

— Не бойтесь, — сказал лейтенант, — я понарошку...

— Стефка, — крикнула Анна Людвиговна, показавшись на крыльце, — Стефка, ходь тутай!

— Стефа — значит Стефания? Надо же...

— А пана? — спросила девушка.

— Степан. Можно просто Степа.

— Стéпан... По-польску — Стéфан...

— Не Стéпан, а Степан, — поправил Ермашев. — Верно, похоже... Хотя, что ж удивительного — славяне мы с вами!

У двери он поставил ведро и, сердясь неизвестно отчего, заметил: — Сами внесите, а то мать подумает еще что-нибудь!..

И деловым шагом пошел опять на околицу.

Там, на краю давно не паханного поля, мешая друг другу и беззлочно переругиваясь, солдаты запрягали кляч в красный от ржавчины плуг. Рядом, недоверчиво улыбаясь, стоял давешний старик.

— Ну-ка, отзынь,— сказал Скуратов, подходя к солдатам, и взялся было за чепиги. Но стоявший здесь же Демиденко бесцеремонно отодвинул его широким плечом.

— Обождешь, чином не вышел, чтобы без очереди... Бери коня под уздцы... Н-но, родимая!

Кобыла вздрогнула, качнула головой, переступила нерешительно на месте мохнатыми ногами, потом, будто что-то вспомнив, влегла в постромки, и первые пласты влажной земли легли на прошлогоднюю пожухлую траву.

— Не больно жми, как бы наш рысак копыта не откинул,— крикнул Скуратов, оглядываясь.

Демиденко только посмотрел на него сурово.

Все подходили и подходили крестьяне, с интересом смотрели на пахарей, оживленно переговаривались. Старик, владелец кобылы, все прикидывавший на глаз — пряма ли борозда, вдруг замахал руками, что-то тревожно стал объяснять солдатам.

— Старшина! — закричали те, поняв наконец старика. — Товарищ старшина, за межу не переходите, они же единоличники, там другого хозяина земля!!

Старик, успокоившись, снова присел на корточки, померил глубину борозды и, встретившись взглядом с лейтенантом, показал ему большой палец: мастер, дескать, русский жолнер. «А ты как думал!» — тоже жестом ответил Ермашев, гордо улыбаясь.

Сделав круг, пахари остановились, вытирая пот. Двое солдат, нетерпеливо ждавшие своей очереди, тотчас же подошли к ним.

— Повремените, ребята, угробим лошадь. Видите, как она боками носит,— сказал Демиденко. — Рановато еще пахать-то, конечно...

Взяв комок земли, он сжал ее в горсти и показал старику. Тот согласно покивал головой, но потом жестами, так, что понятно стало и Ермашеву, объяснил, что если за ночь ветром обдует, то ничего: можно будет бороться.

— Международный язык эсперанто,— сказал вслух Ермашев, засмеялся и пошел домой. Завтра с утра занятия по уставу, а он, наверно, и сам многое подзабыл... Так он старался думать, отлично понимая, что больше-то всего ему хотелось еще раз увидеть Стефу.

Ночью его разбудил посыльный из штаба. Когда Ермашев пришел, комбат, отодвинув в сторону листочки, где была расписана пулька, расстлал на столе карту.

— Получен приказ. Завтра в ночь мы должны сосредоточиться вот здесь,— сказал он буднично, делая отметку на карте. — Довольно большая группа немцев прорвалась из окружения. Представляет угрозу для населения. Мы сейчас к ней ближе всех... Так что подъем в пять ноль-ноль и — на построение. Все. Ложиться, видимо, не придется,— добавил он, посмотрев на часы.

Утро выдалось такое же свежее и розовое, как накануне. Над

речкой еще висел реденький туман, но из-за пригорка выкатывалось огромное солнце, и он таял на глазах.

Все жители деревни высыпали к дороге, где уже в полном походном снаряжении стояла рота. «Ого, сколько жителей-то, оказывается!» — подумал Ермашев. Лихо подмигнул Стефе, глядевшей на него блестящими глазами, и негромко скомандовал: «Рота... Шагом марш! Равнение держать», — добавил он строже, видя, что солдаты все оглядываются на ребятишек, которые бежали следом.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ

В сорок втором, после ранения под Юхновом, находился я в батальоне выздоравливающих, что стоял тогда в Подлипках (теперь подмосковный город Калининград). Все мы жили там дружно, но особенно близко сошелся я с двумя бойцами: Серегой Покатиловым — молодым филологом, и Сашей Рубцовым, который когда-то был лаборантом в каком-то институте. Во-первых, прибыли мы в батальон вместе, во-вторых, на одном направлении воевали, а это очень роднит в тылу...

Однажды после ужина лежали мы, деля по-братски одну закрутку и пуская дым под одеяло.

— Ну, давай, травы — твоя очередь, — сказал мне Сашка.

Ничего интересного на память не приходило, и я пересказал известный исторический анекдот о том, как спорил Петр Первый с королем Фридрихом, чей солдат лучше. Зовет король своего немца и приказывает: «Прыгай в окно!». Тот сначала стал молить о пощаде, потом просить разрешения сходить домой, проститься с родными. А русский, получив такой же приказ, перекрестился, вскочил на подоконник... и Петр еле успел схватить его за полу.

— Молодец! — заключил Сашка.

— А по-моему, это не воин, а автомат, — отозвался Покатилов, — у меня другой идеал русского солдата — Степан Буров.

— Чем же он замечателен? — спросил я.

— Степа-то? О нем в двух словах не расскажешь. Человек непростой...

— Ну-ну, давай, — опять оживился Сашка, — время у нас есть.

— Попал я на фронт сразу после защиты диссертации... — начал Покатилов. — Вчера еще жал мне руку профессор, приговаривая: «Филолог, мой молодой друг, самая гуманная, самая нужная профессия на земле!» А на другой день к вечеру, в новой шинели и кирзовых сапогах, слез я с грузовика в Подольске.

Отличный был городок до войны! Сколько стихов, сколько песен пето в березовых его рощах!.. Теперь же вижу — заснеженные улицы распаханы танками и орудиями, в здании, где помещалось артилле-

рийское училище, окна открыты, на дворе валяются матрасы, кровати, всякая рухлядь, которая остается, когда хозяева спешно покидают дом.

— Становись! — кричит молодой лейтенант, сам, видно, только что из училища.

Разобрались по рядам, стоим. «Стрелки есть? Выходи!», «Артиллеристы есть? Выходи!», «Саперы есть? Выходи!»...

Все воинские специальности выкликнул. Ребята, с которыми приехал, разошлись, а я все стою.

— Вы разве никакой подготовки не проходили? — спрашивает лейтенант.

— Нет, — говорю, — у меня, знаете ли, со здоровьем было неважно...

— Что же мне с вами делать... Буров! Принимайте пополнение!

Подходит дорогой мой Степан Иванович. Ростом мне по плечо. Лицо самое простецкое. Смотрит с грустью.

Вид у меня, сам понимаю, самый неказистый. И сейчас-то не больно складен, а уж тогда... Шинелька до колен, а плечи свисают... Сапоги на два размера больше. Это мне мама посоветовала: две портянки, дескать, на ноги навернешь — теплее будет... Шапка на затылке еле держится... Но марку держу.

— Красноармеец Покатилов в ваше распоряжение прибыл!

— Так, так, — вздохнул Степан Иванович. И к лейтенанту: — Больше никого не будет?

— Выполняйте, товарищ командир отделения, — возвысил тот голос. Потом добавил неофициально: — Не горюй, Степан, зато он с высшим образованием!

Мы пошли вдоль дороги к лесу и являли собой, наверное, очень странную пару, потому что сзади раздались смешки.

Долго шагали молча, потом отделенный спросил через плечо:

— А какая же будет ваша специальность?

— Филолог.

— Да-а, чем только люди не занимаются! — деликатно заметил мой командир. — Шинелочку вам надо сменить и сапоги тоже...

Первое отделение второй роты помещалось в одной длинной землянке. Узкий проход посредине выложен досками, на нарах свежая солома, застеленная плащ-палатками, оконце — в аккуратной рамке. В углу уютно потрескивала печурка, вокруг нее на веревках сушились портянки. Даже столик, не самодельный, а настоящий, приткнулся у стены. Ровным пламенем, не чадая, горела на нем «лампа» — сплюснутая сверху, начищенная до блеска артиллерийская гильза.

Сколько раз на фронте я с нежностью вспоминал это первое мое военное жилище!

Раздевшись, я присел к столику.

Подробно расспросив, кто я и откуда, Степан Иванович все аккуратно записал в свою книжечку и велел сходить на кухню, где для меня был оставлен обед.

— Спасибо,— сказал я, растроганно улыбаясь при виде такой заботы,— но, вы уж простите, лучше спать лягу, устал, знаете ли...

— Боец Покатилов, повторите приказание!

«Начинается,— думаю,— оказывается, симпатичный Степан Иванович из службистов!» А этого я боялся больше всего. («Ха-ха,— сказал на этом месте Сашка».)

— Что ж, Саша, это было полтора года назад. С тех пор все мы повзрослели лет на двадцать... Вспомни хоть себя: разве не мечтал о подвиге? Пасть, как князь Болконский, впереди, со знаменем в руках... И чтоб кто-нибудь сказал: «Это лежит Сергей Покатилов, молодой филолог. Какая прекрасная смерть...» Этакое, говорю, парение духа и вдруг: «Повторите приказание...» Теперь-то я все понимаю, а тогда... Развиваю, бывало, перед отделенным мысли о «красивой» смерти. Он ничего, слушает. Потом скажет: «Дурак, ты, Покатилич! Ну, кому нужно, чтобы тебя убили? Только фашисту! Нет уж, пускай он помирает, красиво или некрасиво, его дело. Пускай по нем плачут. А тебе воевать надо. Для этого должен ты быть боец по всей форме».

Трудно давалась мне военная наука. Две недели было отпущено нам на подготовку, и, уж будьте уверены, Степан Иванович выжал из нас все!

А снег по пояс... Придешь в землянку синий от холода, и опять покой нет: «Боец Покатилов, разберите и смажьте винтовку!»

Ну какое, думаю, значение имеет, что я собираю затвор на минуту медленнее, чем другие?! Руки, бывало, дрожат от злости. И так было до тех пор, пока не втолковал он мне простейшую, в сущности, вещь:

— Ты, говорит, Покатилов, не злись. Конечно, ты университет окончил, а я... Но винтовку и пулемет я знаю лучше. Ты фашиста только на плакате видел, а я с ним уже дрался. Так что не заносись. Мне из тебя за две недели бойца поручено сделать. С высшим солдатским образованием. И сделаю! Иди к пулемету!

И настало серое, мглистое утро, когда мы пошли на фронт. Не вам рассказывать про подмосковные бои сорок первого...

Заросшие, измотанные бесконечными ночными маршами, огрызаясь от просочившихся в тыл немцев, мы шли и шли, теряя счет дням и километрам. И каждый раз, когда мы валились без сил в снег, сейчас же слышалось: «Встать! Покатилов — в лес за лапником!.. Букин — хворост для костра!.. Федоров — собрать у отделения сухой паек: кашу и гороховый суп будем варить!»

Только разнежишься у костра, если, конечно, разрешит развести его начальство,— опять Степаныванычев тенорок: «Всем разуться, портянки сушить!»

Помните, какие холода были в том январе? А у нас в отделении ни один пальца не поморозил!

Наконец пришел день, когда, выдолбив в каменной от мороза земле окопы, мы не оставили их, как бывало до этого.

— Наверное, кончаем, ребята, пыхтеться,— сказал Буров, вернувшись от командира роты.— Давайте обживатьсь!

Наш участок был на берегу Нары, в мелком кустарнике.

— Левей бы надо строить позицию-то,— бормотал Степан Иванович, осматривая местность в трофейный бинокль.— Вон, за теми увалами... Но начальству, как говорится, виднее... Теперь давайте, ребята, рассуждать за противника. Я бы на месте фрицев вон той лошадкой пошел... отрезал бы нас от роты и потом, не торопясь, переколотил... Глаз да глаз за этой ложиной, ребята! Однако и то надо учесть, сейчас фашист нахальный, настоящей остроты ему здесь еще не было, может и с фронта попереть!..

— Стратег твой Степа,— заметил Рубцов.

— Я бы назвал это проще: русская смекалка. В этом нашему народу не откажешь. Мы вырыли окопы полного профиля, а ходы сообщения продолжили до оврага, что тянулся позади окопов.

— Сюда от огня отойдем,— объяснил отделенный.— Беспременно он нас артиллерией выкуривать будет.

На другой день слышим — привезли валенки. Сами знаете, в сапогах долго в траншеях не высидишь, а у нас радости нет: хоть и мороз сорок градусов, а под снегом на нашем болоте — вода. «Экие вы несмышленные ребятки,— говорит Степан Иванович,— делай, как я...» Взял свои валенки, окунул в ведро с водой и выставил на мороз. Вскоре они залубенели, и ходит наш отделенный, как в галошах.

А поглядели бы, как оборудованы были окопы! Полковник в пример всем ставил! Все на месте, все под рукой.

Еще тогда, глядя на Бурова, уверенно распоряжавшегося, как расставить пулеметы, где вырыть землянку, куда сложить вещевые мешки, я думал, что в этом деловитом спокойствии, действовавшем на окружающих лучше всяких призывов к стойкости, и заключается особенность русского солдата. А храбрость? — спросите вы. На боевой прорыв способны не только русские. Вспомним хотя бы наполеоновскую «старую гвардию»... Но такой уверенности в своей правоте сознания, что одной храбростью не возьмешь — для победы еще и работа нужна, как к хлебу приварок,— это уж только наше!.. Думаю, что не принижу величия души Степана Ивановича, если скажу, что война для него была работой. Тяжелой, неприятной, вынужденной, но совершенно необходимой работой, которую нужно сделать как можно лучше, скорее и потом уже со спокойной совестью отдохнуть. К гитлеровцам у него была не ненависть, а какое-то холодное презрение, удивление, что ли, людьми, которые не понимают, что Россию, русский народ, победить нельзя...

...Вскоре наступил час нашего испытания. Помните, как беляки шли на Чапаева в кинофильме? Такой же «психической атакой» двинулись на нас гитлеровцы после долгой артподготовки.

— Ну и нахалы,— говорит спокойно Степан Иванович, наблюдая за цепями.— Смотри, идут, как в кино!

И повел пулеметом. Перед нашими окопами фашисты сразу же залегли, но соседи справа не успели, видно, еще оправиться от огневого налета; выстрелы были редкими, и фашистская цепь стала туда загигаться.

— Обойти могут,— озабоченно сказал отдаленный,— сейчас бы во фланг ударить!

И, словно услышав его, на белый снег выбежали командир роты и политрук: «За Родину!..»

— Настал час,— говорю,— Степан Иванович?

— Настал,— отвечает,— Серега. В случае чего... За меня останешься. Я чегой-то в тебя очень верю...— Встал, в левую руку взял винтовку, концы шинели подоткнул за пояс, чтобы легче было бежать по снегу, отцепил гранату... Оглядел всех строго и деловито сказал: «Вперед, за мной, ребята... Ура!»...

Больше не помню ничего. Очнулся уже в госпитале...

— И не знаешь, что с ним стало? — спросил я.

— Ребята писали — погиб. Пуля ведь не разбирает, что перед ней за человек... Однако не думаю, что Степан Иванович фашистам дешево достался... Ну, ладно, на сегодня хватит, давайте спать.

...Как я уже упоминал, жили мы в Подлипках неплохо, хотя, конечно, харч там был далеко не фронтовой. Но положила руку на сердце скажу: мало было тех, кто не рвался на передовую. Говорю не для красного словца. Вспомним: немцам дали тогда пинка под Москвой, а на юге они поперли опять... И мы так считали: кто их остановит? — мы, стреляные!

Но нас никто на фронт силком не гнал. Вот как заведено было летом сорок второго в Подлипках. Утром или после обеда выстраивают всех на улице около клуба, где мы жили. Появляется комбат с незнакомыми командирами. «Товарищи,— говорит,— к нам приехали фронтовики за пополнением. Кто желает у них воевать — выходите!»

Тогда с нашей стороны раздаются вопросы: что за часть, где воевала?

Командиры в пределах возможного нам объясняют, и, глядишь, половина батальона выйдет им навстречу из рядов.

Дальше уже дело было за врачами: много недолечившихся выходило.

И вот однажды стоим мы так же в строю. Появляется незнакомый командир с кубарем в петлице: «Я, товарищи, из энского гвардейского корпуса...»

— Ребята, — говорит вдруг Покатилов, — ёксель-моксель, да ведь это Степан Иванович... Степан Иванович, ты живой!!!

— Это кто ж меня раньше времени похоронил? — нахмурился командир взвода. Потом присмотрелся — и руки развел: «Покати-лыч, друг, ты ли это?! Ну, брат, и я тебя не чаял живым встретить. Выходи скорее, дорогой, еще повоюем вместе!

А куда Сереге выходить, когда он еще на костылях ходит...

Поверите, слезы выступили на глазах, когда они обнялись перед строем.

Многие ушли тогда с Буровым. Саша Рубцов тоже. И я бы послужить с ним не отказался, да рука еще была синяя и пухлая, как подушка.

Перед отправкой мы поговорили, всласть пригубив из фронтовой фляжки комвзвода. Воочию он мне еще больше понравился: какой-то надежный.

— Как, думаете, скоро закончим? — спросил у него.

— Как воевать будем. Как воевать будем, ребятаки, — и стал прощаться. — Видно, придется нам еще раз расставаться, — сказал он Покатилову. — Однако не горюй, ненадолго. Жив буду, до командира корпуса дойду, а тебя вытребую. До свиданья, значит...

Выстроил ребят. Крикнул тенорком: «Р-рота, напр-а-аво! Ша-агом марш! Песню!»

И пошел на войну.

БЕЛЫЕ ПОЛЯ ПОДМОСКОВЬЯ

Кленов вышел из вагона на мокрую дощатую платформу. Встречающих не было. Подождав на всякий случай еще немного, он спустился с платформы и пошел по залитому жидкой грязью шоссе, туда, где сквозь спорый мелкий дождик виднелось на пригорке селение.

«Дом против колодца... Кой черт — тут целых три колодца!» — с досадой подумал он, шлепая по сельской улице.

В ботинках хлюпало, холодная вода с разбухшей кепки текла за шиворот. Беспомощно оглянувшись вокруг, Кленов заметил у калитки высокого мужчину в плаще.

— Не скажете, где тут проживает Шемякин Константин Васильевич... — начал было он, но, взглядевшись в сухое, морщинистое лицо мужчины, просто сказал:

— Здравствуй, Костя!

Необыкновенное волнение изобразилось у того на лице.

— Прости, браток, — сказал он, — голос будто знакомый, а чей, не угадаю... Скажи еще что-нибудь!

— Боец Шемякин, отставить разговоры и станьте, как положено! — сказал Кленов басом.

— Приехал! — прошептал мужчина. — Кленов?!

— Да я, чудак, разве не видишь? Ну, веди в дом!

— Да, да, пойдем, пойдем скорее... А я узнал... Узнал! Галина! — крикнул он, распахивая дверь в избу, — Галина, отделенный мой приехал. Я узнал его, узнал сразу!

— Ну, вот видишь, — сказала крепкая еще пожилая женщина, поднимаясь им навстречу.

— Почему же такой восторг, обидно даже, — смеялся Кленов, здороваясь с хозяйкой, — я тебя тоже сразу узнал, хоть и ты здорово изменился.

Женщина быстро взглянула на него и опустила глаза.

— Праздник сегодня у моего солдата — поить-кормить надо гостя дорогого!.. Вы тут поговорите, а я за дровами пойду, печь раздую, — сказала она и опять пристально взглянула на Кленова.

— Не верится даже... столько лет прошло, — говорил Константин Васильевич, шаря под лавкой. — Валенки тебе ищущи переобуться, — пояснил он.

— Вон в углу какие-то валенки, не эти ли? — спросил Кленов.

— Да, да... Ты прости, встретить тебя не довелось. Боятся меня Галина одного оставлять.

— Сбежишь, что ли? — спросил Кленов.

— Да нет... — Он стоял, опустив голову, с валенками в руках... — Слепой я, разве ты не заметил?

— Как слепой? — тихо сказал Кленов. — Почему ты слепой? Где... Как это случилось?

— Тогда еще, под Москвой, у Полотняного Завода.

— Так я же тебя сам в медсанбат... Ты же видел... смотрел то есть... Глаза-то не задело! Сказали — через две недели в строй!..

— Рана и верно через две недели затянулась после операции. Однако списали по чистой. Сперва все было хорошо, а потом глаза стали меркнуть. Лет через пять и вовсе потухли... нерв какой-то повредился.

— Врачи что говорят?

— Три операции было. Вроде белое пятно передо мной появилось. Вот ты у окна сидишь, будто тень какую-то вижу... На валенки, переобуйся. — Он протянул валенки и после молчания тихо добавил: — С головой еще что-то...

— Что еще с головой, что ты выдумываешь?! — крикнул Кленов.

— Да нет, не выдумываю... — виновато сказал Константин Васильевич. — Не помню ничего.

— Чего ты не помнишь?

— Ничего. Галина фамилию твою называет, а я тебя не помню. Как же, говорит, ты мне о нем с фронта писал! А я не помню. Вот тогда она твой адрес и достала. Как получили телеграмму, я все у калитки стоял. Мучился: узнаю или не узнаю... По голосу узнал.

Вдруг какая-то щелочка мне открылась. А сейчас опять твержу себе: Полотняный Завод... Полотняный Завод... А что там случилось под Полотняным Заводом, как я туда попал, — ничего! Это, брат, страшно. С ума можно сойти. Кто я, что за человек?.. Недавно орден вручали. За что? Потом уже узнал: всем тяжелораненым прислали... Кто на фронте наград не получал... Ребятишки-пионеры пришли как-то с учительницей: «Дядя Костя, расскажите про свой подвиг!» А что я им расскажу — на фронте полмесяца пробыл... Но оставим... Как я тебе рад, если бы ты знал, — прервал он себя и нежно взял Кленова за руку. — Вот сказал в шутку: «Боец Шемякин...» и что-то забрезжило. Кончик какой-то ...вот-вот ухвачу, да нет, — опять все заволакивает... Но как я рад!

Они помолчали. Потом Шемякин поднялся и приоткрыл дверь в сени.

— Галина, — крикнул он, — довольно тебе мерзнуть!

Вошла Галина с охапкой дров. На этот раз Кленов первый опустил перед ней глаза.

— Оладьев сейчас напечем, — певуче заговорила она, — тесто-то у меня, ох батюшки, через край полезло...

— Ты в госпиталь писал мне? — спросил Константин Васильевич.

— А куда? Из медсанбата тебя сразу увезли. Через неделю и меня чокнуло под Юхновом.

— Куда?

— В правую руку. По-глупому вышло. Ротный с донесением в штаб полка послал... Мне бы лесом пойти, да там снегу по грудь. Дорогой хотел проскочить, ну и нарвался. Но доктора починили хорошо.

— Значит, от Полотняного вы на Юхнов пошли?

— Точно. Поселок в тот же день взяли, там и немцев-то не больше роты было.

— Выпили бы, мужики, — сказала Галина Дмитриевна.

— Ты как? — спросил Шемякин.

— Да так... Нормально, — сказал Кленов. — А тебе-то, наверное, ни к чему?

— По такому случаю стопку можно, — сказала Галина Дмитриевна.

Она поставила на стол бутылку, рюмки, тарелку горячих оладий, принесла соленых помидоров и огурцов, нарезала сала.

— Ну, со свиданьем, — сказала она, — за то, чтобы войны не было!

— Тебе долго воевать пришлось? — спросил Константин Васильевич.

— До звонка, — сказал Кленов. — На Одере еще в ногу зацепило. Там в госпитале и Девятое мая встретил.

— А я — две недели...

— Вот он о чем думает! — закричала Галина Дмитриевна и с размаху поставила рюмку на стол, — «звездочку» ни за что дали!

Ты за Родину кровь пролил, глаз лишился! Скажите вы ему, товарищ Кленов!

Константин Васильевич сидел молча, держа в руках налитую рюмку. В профиль он казался моложе. Не так заметны были глубокие складки, протянувшиеся к углам рта, не виден был шрам на правой стороне, стащивший кожу на виске в безобразный узелок. И Кленову удалось, наконец, вызвать в памяти нескладного парня в короткой, не по росту, шинели с наивными испуганными глазами.

— Ты что замолчал? — спросил Константин Васильевич.

— Тебя вспомнил, Костя, — сказал Кленов. — Мы под Малоярославцем в охране сидели, когда их десять человек на пополнение прислали, — продолжал он, обращаясь к Галине Дмитриевне. — Он мне достался... Шинель по колена, сапоги... А мороз под сорок! Вася Шибаев тебе валенки достал, — обернулся он к Шемякину, — Вася Шибаев... Москвич. Тоненький. Усики черненькие... — Кленов посмотрел на Константина Васильевича. Тот молчал, мучительно сдвинув брови. Галина Дмитриевна тихонько вздохнула.

— ...Невысокого росточка, с усиками, — настойчиво повторил Кленов. И опять выждал паузу. Потом продолжал:

— Вечером ты прибыл, а утром отделению приказ: разведать, верно ли Полотняный Завод освобожден? Командир взвода с нами пошел... Взводного Демичева не помнишь? Хорошенький такой мальчик, с одним кубарем, только что из училища? В белом полушубке ходил... Ну, ладно... С километр прошли лесом, и вот он, Полотняный Завод, лежит внизу, километрах в двух. Сразу видать — почти целый. И ни души там не видно. Солнце в это время выглянуло красное — на мороз. Место открытое. Снег белый, чистый, аж глядеть больно...

— Снег... — сказал вдруг Константин Васильевич и повернулся к Кленову лицом.

— Ну да, — отозвался Кленов, — снег. Как простыня. И ни единого следочка на нем. Вот это меня и насторожило. «Как же, говорю, поселок брали, если следов боя нет?» «А ты забыл, какая ночью метель была? — отвечает Демичев. — И потом, видишь противотанковый ров поперек поля? Стало быть, не здесь, а с фланга наступали!»

Метель ночью была, это верно. И насчет рва убедительно. «Ну что ж, пошли», — говорю.

Стали мы спускаться. Младший лейтенант впереди. За ним вы, восемь человек. Я замыкающим...

— Танк, — сказал напряженно слушавший Константин Васильевич. Глаза его были закрыты, большие руки беспокойно теребили скатерть.

Галина Дмитриевна посмотрела на него и отставила его рюмку подальше.

— Точно, Костя,— сам уже волнуясь, сказал Кленов.— «Тридцатьчетверка» подбита. Видать, перед рвом остановилась, ее и шарахнули..

Через ров мы перелезли, он уже обвалился порядком, ведь еще наши рыли, но снегу в рукава и за шиворот попалыхали достаточно. Вылезли, отряхиваемся. Перед нами речушка, снегом занесенная. Три ветлы над ней...

— Бугры! — вставил Шемякин, не открывая глаз, и повел рукой над скатертью.— Бугры...

— Какие бугры?.. А, вон ты про что... Да, да! Между нами и речкой — холмики снежные. Рядами.. Мы сперва не поняли, что это такое, разгребли один, а под ним убитый боец. Как шли в атаку цепью, так их и положили рядами. Видно, нарвались на засаду...

— Товарищ младший лейтенант,— говорю,— неладное дело, подрывать отсюда надо, пока и мы не напоролись! Давай, пока не поздно, назад подаваться!

— Брось ты,— отвечает,— паниковать, тихо же все! — Вот это и чудно,— толкую,— смотри, деревня, как вымерла. Давай назад подаваться!

Подумал он и согласился.

Кленов соглотнул слюну, будто что-то мешало ему в горле, и залпом выпил свою рюмку. Подперев голову руками, Галина Дмитриевна неотрывно глядела ему в лицо. Константин Васильевич тяжело дышал, облизывая запекшиеся губы.

— И только мы двинулись назад,— заговорил опять Кленов,— только спины к поселку повернули, слышим свисток... Как кнутом нас стегануло. Лейтенант меня за руку схватил: «Гляди!» А сзади, да и с боков, из снега черные фигуры полезли. Мать твою... фашисты! Но не стреляют. Автоматы у пуза, а не стреляют, суки!.. Я уж потом догадался почему: им «язык» был нужен. Они лейтенанта давно по белому полушубку приметили...

— Быстро в ров,— кричит лейтенант,— быстрее!

Добежали мы до рва, скатились в него, полетче стало. Те тоже остановились. Демичев командует — патроны береги, стрелять на-верняка. ...Сидим, думаем, что делать. А те фланги загибают. Ясно — отрежут нас и побьют, и станет этот ров нам могилой. А кого не побьют, погонят впереди себя прикладами...

Конечно, надежда была, что наши услышат выстрелы и отобьют, но надежда эта была слабая: кто там в лесу поймет, и где и почему стреляют?

— Слышь,— говорю,— лейтенант, если не отобьемся, ты меня застрели. Или пистолет дай — я сам... Из винтовки неловко, разуваться надо!.. А он, этот мальчишка необстрелянный, отвечает мне: «Молчи, идиот, командир еще! Видишь, темнеет, по одному будем выбираться. Они тоже подходить опасаются: у них автоматы, а у нас винтовки — мы их раньше достанем!» Устыдил он меня... На тебя я,

Костя, случайно тогда взглянул: белый ты был, как снег этот... Подождали еще немного. Солнце за лес село, сильно стало темнеть.

— Пора, — говорит Демичев, — давай по одному!

Стали мы высказывать. «Вперед, бегом!» — кричит лейтенант. Темно уже. Ну, думаю, может, и выскочим.

И в это время хлопнули выстрелы. Слабые, как из детского пугача. И словно солнце снова взошло: повисли над нами ракеты на парашютах. Я тогда впервые этукую страсть увидел. «Вперед, быстрее к танку!» — кричит Демичев... Вот почему, Костя, ты этот танк вспомнил, спасение наше!.. И бежим мы, черные живые мишени на белом снегу...

И вот тут-то и началось. Один разрыв, другой... Мины! Шахматным порядком...

Шibaев первым упал. Потом младший лейтенант впереди меня зашатался... Закинул я его руку себе за плечо и чувствую — не сдержу: молодой был, а матерый... А сзади кричат: «Рус, хальт!»

Все, думаю, амба. И вдруг, чувствую, полечал вроде лейтенант. Это ты его, Костя, с другой стороны подхватил. Преодоле, стало быть, страх свой. Это многого стоит! Все, кто жив, вперед ушли, позади только мы втроем остались... Не можешь ты этого не помнить!

Константин Васильевич не отвечал. Кленов со страхом увидел, что незрячие глаза его широко открыты. Лицо жутко сводит судорогой. Рука, собравшая в горсть скатерть, медленно тащит ее к себе на грудь.

— Замолчи, хватит! — крикнула Галина Дмитриевна. — Я тоже, дура!.. — Подбежав к мужу, она едва успела подхватить сползавшее со скамьи тело.

Оробевший Кленов помог ей увести еле передвигавшего ноги Константина Васильевича за занавеску и уложить на кровать.

— Успокойся... Успокойся, родной... Вспомнить хотел — вот вспомнил. Прошло все это... Давно прошло. Ты же знаешь... — приговаривая, Галина Дмитриевна нежно гладила мужа по лицу, что-то шептала на ухо, прильнув щекой.

Константин Васильевич наконец глубоко вздохнул и закрыл глаза.

— Славу богу. Теперь спать будет, — сказала Галина Дмитриевна. Они вышли в горницу и снова сели за стол.

— Ну, а как моего-то? Досказывайте уж... — сказала она.

— У самого танка его зацепило, — неохотно сказал Кленов. Он уже раскаивался, что начал этот рассказ. — Укрылись мы за гусеницами, постреляли... Потом наши услышали, разобрались в чем дело, рванули разок батареей. Немцы откатились... И хватит об этом! Давай-ка выпьем, Галя, дорогая моя Галина Дмитриевна... Как ты там говорила: чтоб войны не было. И за нас с ним и за тебя тоже... — добавил он вдруг.

— Почему за меня-то? — усмехнулась Галина Дмитриевна.

— Сама знаешь!

...Ночью Кленов долго не мог уснуть, а когда наконец сморило, поплыло перед глазами белое снежное поле с черными разрывами на нем.

Он проснулся оттого, что кто-то тронул его легонышко за плечо. Перед ним стоял Константин Васильевич.

— Стонал ты очень,— сказал он шепотом и присел на кровать.— А ведь я вспомнил. Все вспомнил, слышь, отделенный, все, как есть!..

— Ну, понял теперь, что не зря тебе орден дали?

— Да, пожалуй, не зря,— сказал Константин Васильевич.

— Тогда иди спать, Галину Дмитриевну не беспокой... Завтра договорим.

Шемякин ушел.

Светало. В окно было видно, как из-за белесых облаков всходило бледное солнце. Голая и мокрая вчера ветка рябины покрылась инеем и жестко постукивала о стекло.

«Морозит»,— подумал Кленов и крепко заснул.

НА ОЗЕРЕ ТИХОМ...

Корнеев жил у Нефедовых вторую неделю, а чувство безмятежного покоя, охватившее его, едва он скинул здесь рюкзак, не проходило. Быстро приспособившись к укладу деревенской жизни, он рано вставал, а вечером, часам к девяти, засыпал в отведенной ему кладовке, где пахло мятой, укропом, черносмородиновым листом и другими приправами к соленьям и маринадам.

Сейчас, сладко потягиваясь на своей деревянной кровати, Николай Иванович опять порадовался, что променял южный курорт на благословенную тишину этого глухого сибирского поселка с дремучим названием Селищи.

На крыльце заухал хозяин, обжигаясь холодной водой из умывальника.

— Тише, Силыч, постояльца разбудишь,— сказала Настасья Петровна.

— Ништо,— отвечал тот,— он на рыбалку сегодня собирался.

Корнеев улыбнулся и стал одеваться.

Идти на озеро надо было лугом. Здесь сивая от росы, некошенная еще трава клонилась долу, скрывая нахоженную Корнеевым стежку. Крупные капли росы катились по листьям, как по блюдечку. Большой шмель сунулся было в цветок, замочил лапки, как ошпаренный взмыл опять и, обиженно гудя, полетел на пригорок: может, хоть там посуше...

К берегу Корнеев прибежал мокрый по пояс и еле отогрел в парной воде иззябшие ноги.

Большая зеленая лодка, тоже блестящая от росы, слабо колыбалась на прибрежной волне.

«Здравствуй», — сказал Корнеев лодке и засмеялся от удовольствия.

Он вставил весла в ключины и собрался было отчалить, как тихий возглас: «Дядя Николай!» — заставил его обернуться.

На берегу, хлюпая носом и поджимая то одну, то другую ногу, полиловевшую от озноба, стоял соседский Ленька. Безмолвная мольба читалась в его глазах.

— А мать что скажет? — сделав строгое лицо, спросил Корнеев.

— Она в Селезневку молиться пошла, — сказал Ленька.

— А придет если?

— Не, — сказал Ленька. — Она поздно придет.

— Ну, коли так...

Он придержал лодку. Ленька вскочил на корму, и Николай Иванович стал выводить суденышко из протоки на большую воду.

Потянулся мимо причал «Рыбаксоюза». По самому краю причала сидели в ряд селищенские кошки: ждали рыбаков с ночным уловом.

За причалом Корнеев завел мотор, круто заложил руль направо, и, описав широкую, красивую дугу, лодка вылетела на простор. Легкий ветер гнал по озеру легкую зыбь. Днище застучало по ней, как по кочкам.

Сливались с водой низкие берега, потревоженные утки просвистели мимо. Красное солнце вдали краем вылезало из воды.

«На озере Тихом румянятся воды»... — запел Корнеев. — Хорошо, Ленька?

— Неужели! — отвечал мальчуган. Худенькое веснушчатое лицо его разгорелось, легкие белые волосы от ветра встали дыборком, глаза сияли.

«И что-то он мне раньше замухрышкой казался, — подумал Николай Иванович, глядя на паренька, — никакой не замухрышка!»

И весело сказал:

— Ну, садись за правило, ушкунник. Правь на остров, видишь?

Он указал на еле видневшуюся вдали темную точку.

К острову они подошли на веслах и здесь поспорили. Николай Иванович уже хотел бросить якорь, Ленька же горячо доказывал, что лучше нет места, как за островом в камышах, где, кроме окуней, берут еще и вот такие язи.

Корнеев подумал и согласился.

Заклевало сразу, как только они закинули удочки: и на хлеб, и на горох, и на червя.

— Ну и благодатные же у вас места! — сказал Николай Иванович, снимая с крючка горбатого окуня.

Ленька не ответил. Большой красный поплавок у него вдруг тихо, но с неудержимой силой повело в сторону.

— Большая, — прошептал, волнуясь, Николай Иванович. — Не упusti... Возьми подсажек!

Не оглядываясь, тот махнул на него рукой. Поплавок плыл все стремительнее. Весь в напряжении, Ленька подался вперед, готовясь подсесть, но тут черная тень вдруг легла на воду. Большая лодка, не заметив их в камышах, едва не оборвала лесу.

Двое рослых мужчин гребли, тихо и согласно кидая весла на воду. Две старушонки в темных платках жались друг к другу на корме. А посредине, на скамейке, покрытой цветным рядном, сидела женщина в темном, «городском» платье. Она наклонила голову, и лица ее не было видно, однако по гибким линиям тела, стройной белой руке, опирающейся на борт, Корнеев заключил, что она молода.

— Эй, на шхуне, поосторожней! — крикнул он не без тайного умысла.

Женщина обернулась, и будто в грудь толкнула Корнеева ее чудная величавая красота. Только тяжел, неприветлив был взгляд, скользнувший по его растерянному лицу. Чуть только дрогнули черные брови да короткая усмешка пробежала по полным губам.

Отвернувшись, она что-то повелительно сказала гребцам, и те, круто отвернув лодку, быстро погнались ее в сторону.

— Кто такая, не знаешь, Леня? — спросил Николай Иванович, неотрывно глядя вслед лодке.

Тот не ответил.

Обернувшись, Корнеев увидел, что мальчуган сидит, весь сжавшись, исподлобья, настороженно провожая женщину глазами.

— Не беда, другого язя, не хуже зацепишь! — по-своему понял его Корнеев. — Ты не ответил, кто эта дама?

— А зачем вам? — хмуро спросил Ленька.

— Вот те на... Может, познакомиться хочу!

— Не надо, дядя Николай, — сказал мальчик. — Вы хороший, веселый... Не надо!

— Не надо, так не надо, — сказал изрядно удивленный Корнеев. — Гляди-ка, опять у тебя клюет!

Тут и у него запрыгал поплавок.

— Ведь я, так, из любопытства спрашиваю, — продолжал он, когда очередная добыча шлепнулась в ведро.

— Нездешняя она, — неохотно отвечал Леня, сосредоточенно насаживая червя, — к тетке Степаниде в Селезневку погостить приезжает. Павла Сергеевна зовут... Не ходите к ним, дядя Николай, — прибавил он умоляюще.

— Да зачем я к ней пойду, чудак ты человек. Сказано, из любопытства спрашиваю! Чего ты испугался?

Через час солнце стало припекать всерьез.

— Стоп! — сказал Николай Иванович, заглядывая в ведро. — Искупаемся — и домой... Ну, сматывай удочки!

— Не, я не буду купаться... — сказал Ленька.

— Вот я тебе дам «не буду»! — весело закричал Корнеев, смеясь,

стал стаскивать с парнишки рубашонку и вдруг остановился, пораженный: худая, с торчащими лопатками спина мальчика была исполосована багровыми рубцами.

— Это что же... Кто тебя так... Мать?

Ленька молчал, глядя в сторону.

— Так вот почему ты прибежал без удочек ни свет ни заря... Что ты натворил? Может, я помочь могу?

— Не можете вы мне помочь, дядя Николай, — не по-детски серьезно ответил Ленька, и, подумав, добавил: — Стекло я разбил...

«Не хочешь говорить — не надо», — решил про себя Корнеев, вслух же крикнул:

— Ничего, до свадьбы заживет! А купаться и в самом деле холодно... Давай-ка, брат, до дому!

Обратно плыли скучно. У Николая Ивановича не выходила из головы та женщина. Ленька тоже хмуро глядел на воду.

Заехав в свою протоку, они примкнули лодку к мосткам, вычерпали накопившуюся на дне ее воду и убрали в корму снасти.

— Ну, я пойду, — сказал Ленька потупясь.

— Как так? А рыба... Половина улова твоя!

Мальчик лишь рукой махнул.

«Уж не я обидел ли его чем?» — подумал Корнеев, глядя вслед мальчугану.

Дома, отдав Настасье Петровне рыбу, он отправился в свою кладовку и как лег на свое скрипучее ложе, так и заснул, будто провалился.

Во сне отразился для него весь сегодняшний день — Ленька, волны, кошки на причале... Потом, загородив все, возникло белое темноебровое лицо.

«Черт знает что... Прямо наваждение какое-то!» — сказал он себе, проснувшись. Потом повернулся на другой бок и проспал до утра.

За завтраком Матвей Силыч похвалил улов. Поинтересовался, чем озабочен постоялец.

— Какие у меня заботы, — возразил Корнеев, — живу, как трава растет... Кстати, вчера Ленька Коробков сказал мне, что Алевтина Петровна в Селезневку молиться пошла... но ведь там и церкви-то нет!

— А им в каждом доме церковь, — ответил Матвей Силыч.

— Кому это — «им»?

— Да есть тут у нас такие... Сильно богомольные, — нехотя ответил старик, подымаясь из-за стола.

«Странно!» — подумал Корнеев, но сейчас же забыл об этом. Другое занимало его.

На сегодня была запланирована проверка рыбацких снастей. Николай Иванович достал коробку с крючками и лесками, но только поковырялся в ней пальцем и поставил на место. Потом, улыбаясь, вытащил из кармана зеркальце. Оно отразило добродушную круглую

физиономию с пшеничными бровями, пухлыми ребячьими губами и мягким вздернутым носом. Не Жан Маре, конечно, однако... Мурылка тenorком «Я встретил вас и все былое», он побрился и надел костюм, давно уже за ненадобностью висевший в углу за дверью.

«В конце-то концов, чем я рискую,— рассуждал он, шагая в Селезневку,— интеллигентный человек в такой глуши сам по себе явление. С адресом затруднения не будет: Степанидину избу укажет первый встречный. А повод для посещения... Ну, это уж совсем просто: одинокий отдыхающий ищет комнату. Селезневка, знаете ли, расположена гораздо живописнее, чем Селищи... Ах, какая неожиданность, ведь это вас я видел на озере!.. Удалась ли прогулка?.. Ну и тэ-дэ...»

Так шагал он весело, помахивая прутиком, а у самого села нечаянно оглянулся и увидел вчерашнюю незнакомку. Она не торопясь шла следом.

Корнеев остановился, с ужасом чувствуя на губах давешнюю младенческую улыбку. А когда она поравнялась, открыл рот и с неожиданной игривостью сказал:

— А вчера я вас на лодке видел!

— И что же? — спросила женщина.

— А то,— очертя голову понес Николай Иванович,— что мне сделалось необходимым видеть вас, слышать ваш голос... Я должен объяснить вам, Павла Сергеевна...

— Не трудитесь,— прозвучало в ответ.— Вы хотели поговорить со мной? Слушаю!

— Я...— выронил Корнеев и замолчал.

— Вы, что же, живете здесь? — спросила она мягче.

— Да... То есть нет... Отдыхаю в Селищах... Вы ведь тоже приезжая?

— Да, гощу у родственницы.

Разговор не вязался. Негодуя на себя за непонятную растерянность, Николай Иванович шел молча, искоса поглядывая на спутницу.

Она была старше, нежели показалась ему сначала,— лет тридцать — тридцать пять, примерно ровесница, определил он. Но девочки легка и стройна была ее фигура, легки и быстры шаги. «До чего же хороша!»

— А вы зачем в Селезневку? — спросила женщина.

— Да в магазин здешний хочу зайти,— сказал Корнеев.— А вы что же не спросите, откуда я знаю ваше имя? — и сам же поторопился ответить: — Оказалось, сосед мой, Леня Коробков, знает вас... Однако же и нравы здесь! Представьте, приходит вчера парнишка, а спина у него исполосована кнутом. Спрашиваю: кто, за что? Отвечает: стекло разбил. Надо в милицию сходить, варварство какое-то!

Павла Сергеевна остановилась и впервые внимательно посмотрела на него.

— Вы добрый человек,— сказала она,— но зачем же сразу в милицию? Наживете врагов... Я поговорю с Алевтиной Петровной, так будет лучше... Прощайте, однако, вот мое временное пристанище.— Она показала на уединенно стоящий дом за высоким глухим забором.— А вон ваш магазин!

— Когда же я еще увижу вас? — спросил Корнеев, удерживая протянутую ему руку.

— Это очень нужно? — спросила она.

— Да,— горячо сказал Корнеев.— Очень нужно. Прошу вас!

— Ну, тогда и мне, может быть, понадобится завтра пойти в магазин... Нет-нет, провожать меня дальше не нужно!

Чуть ли не вприпрыжку возвращался домой Николай Иванович, размышляя, что все же кое-чего добился сегодня. Рука его хранила прикосновение мягкой ладони, сердце жарко билось.

А Павла Сергеевна, внимательно посмотрев ему вслед, повернула железное кольцо и отворила глухую калитку.

— Матушка,— кинулась с крыльца ей навстречу старуха в черном платке,— где ж ты ходила по такой жаре?!

Не отвечая, Павла Сергеевна опустила на услужливо подставленный стул.

— Ты знаешь, что Алевтина Коробкова сына избила?

— Во славу божью бит, матушка, на моление не пошел, в писании сказано...

— Не суесловь. Почему я об этом не знаю?

— Так ведь не бог весть, что стряслось, беспокоить не посмели.

— Дети вы неразумные... Жилец нефедовский в милицию хочет идти. Ну как парнишка там правду скажет?!

Старуха всплеснула руками.

— Не приведи господь... Может, сообщить верным, чтоб не собирались завтра?

— Пока не нужно, бог милостив. Иди.

Отправляясь на второе свидание, Корнеев дал себе клятву держаться увереннее, но едва увидел Павлу Сергеевну, выходящую из магазина, опять вспыхнул, как мальчишка, и тут же позабыл все приготовленные слова.

— Не смущайтесь,— сказала Павла Сергеевна, чуть заметно улыбнувшись, и добавила вдруг: — Прост ты, Николай Иванович!

— Это плохо? — спросил Корнеев, даже не удивившийся неожиданной фамильярности.

— Нет, хорошо. Простым душою открывается многое, что недоступно бывает мудрствующим.

Внимательно посмотрев в глаза, Павла Сергеевна властным движением положила ему руку на плечо.

Николай Иванович сейчас же облился жарким потом и с отчаянной решимостью обнял ее за талию.

— А вот это не нужно! — сказала Павла Сергеевна, даже не шевельнувшись.

— Но почему?! — взмолился Корнеев, поспешно отдергивая руку. — Скажите, что сделать мне, как вести себя, чтобы заслужить вашу... ваше расположение?

— Сядем, — сказала она.

Они сошли с дороги к реке и сели на большой валун у самой кромки воды.

Лицо женщины побледнело. Широко открытыми глазами она смотрела вдаль. Дыхание стало учащенным.

Николай Иванович тоже притих.

— Только сильным духом дана власть над людьми, — заговорила она наконец тихо и опять пристально взглянула на Корнеева. — Добродетель слабых есть вера и послушание...

— Согласен на все, — сказал Николай Иванович, пытаясь обернуть шуткой странный этот разговор. — Вам подчиняюсь беспрекословно! Вот я у ног ваших. — Он театрально преклонил колена и опустил голову. — Тем более, что у вас такие прелестные ножки.

Павла Сергеевна молча встала и быстро пошла от него прочь.

— Не уходите, прошу вас, — опять взмолился Николай Иванович, устремляясь за ней. — Честное слово, я не хотел вас обидеть... Но то, что вы говорите, странно и непонятно для меня...

Он протянул руку, чтобы удержать ее.

— Не идите за мной, — сказала она, останавливая его жестким взглядом. — Не виню вас ни в чем... Это моя ошибка. Не ищите встреч более. Прощайте!

Корнеев, как стоял, так и остался стоять в растерянности посреди дороги.

Весь остальной день после этого он ходил как потерянный. Старался и не мог понять, кто она, эта странная женщина.

Вечером прилег было, но, решившись, вдруг вскочил и выбежал на улицу.

На дороге его прихватил дождь, и скоро он вымок до нитки.

— Ничего, ничего, — повторял он вслух, шагая по лужам, — пускай... Главное застать ее дома, объясниться... доказать!

Что доказать, в чем объясниться, Николай Иванович и сам толком не знал.

Отыскав знакомый дом, он постучал в калитку, но, видя, что никто не отзывается, подтянулся на руках и перелез через забор. На дворе никого не было, но в окнах большого дома, сквозь закрытые ставни, кое-где пробивался свет. Корнеев беспрепятственно вошел в сени и здесь услышал тихое пение, доносившееся из-за приоткрытой двери.

Он заглянул туда и невольно попятился.

В большой комнате, вдоль занавешенных окон, сидели на лавке мужчины и женщины в длинных холщовых рубахах. У женщин

в руках были зеленые ветви. Мужчины держали небольшие, самодельные, очевидно, кресты. В углу, на алтаре, покрытом простыней, стояло медное блюдо, утыканное горящими восковыми свечами. Рядом с алтарем — чаша, из которой вился легкий синеватый дымок, по запаху, как от смолы.

Посреди комнаты в высоком деревянном кресле неподвижно, будто статуя, и тоже в длинной белой рубахе сидела Павла Сергеевна. Босые ноги ее покоились на подушке.

По обеим сторонам кресла в таких же балахонах стояли два мальчика. В одном из них Николай Иванович с ужасом узнал Леньку.

Пение, сначала тихое, становилось все громче. Ритм его убыстрялся.

Господь, нас верных, возлюбил,
Кровь святу за нас пролил,
Дух святой — царь Михаил
Врата ада разрушил...

Все громче и быстрее, повторяя по несколько раз последние слова строфы, люди в белых рубахах встали и, взявшись за руки, пошли вокруг кресла.

Громче и громче звучал речитатив, все быстрее кружился странный хоровод. Уже не пение — стоны вырывались из искривленных ртов. Слова стали бессвязны, бессмысленны:

...Дух святой, царь Михаил
Змея страшного связал,
Змея страшного связал,
В царство божье дверь открыл...

Потом все упали на колени, протягивали с мольбой руки к женщине, сидящей в кресле.

Неподвижное до этого лицо Павлы Сергеевны исказилось. По телу пробежала судорога. Она вскочила и низким клочущим голосом стала выпевать тоже странные, жуткие слова: «Слушайте глас Христов... Грядет новый Иерусалим... Покайтесь!»

Стоны, рыдания послышались в ответ. Потом худой высокий старик с криком: «Господи, тебе молю — спаси!» — подбежал к алтарю, схватил с блюда кусок сургуча, зажег о свечу. Разорвав на груди рубаху, стал креститься, как печати прикладывая к голому телу кипящую огненную массу.

У Корнеева стало мутиться в глазах. Он попятился, выскочил на двор, перемахнул через забор и пустился бежать, не разбирая дороги.

...— Что с вами?! — испуганно вскрикнула Настасья Петровна, когда он ворвался в комнату. Вскочил с кровати и Матвей Силыч.

— Там... у Степаниды... — только и мог промолвить Корнеев.

— Опять, значит... — сказал Матвей Силыч и стал одеваться.

Воды, что ли, ему дай! — бросил он жене. — А я в милицию схожу: просили сообщить, если снова сходки эти будут!..

Корнеев долго лежал, закинув руки за голову, со страхом прислушиваясь, как шумит за окном тайга.

— Ищи их теперь — как ветром всех сдуло с богородицей вместе! — сказал Матвей Силыч входя.

— Богородицей? Какой богородицей?!

— По ихней вере и Христос и богородица не умерли, а живут на земле, среди людей, — нехотя объяснил Матвей Силыч, — но открываются будто лишь избранным. «Христа» не знаю, а что Павла в богородицах или в пророчицах, что ли, ходит, это известно.

— Это что же, секта, что ли, такая?

— Называют себя «Истинно православные христиане». А кто говорит, хлысты это. Тоже секта религиозная.

— Просто не верится, что может быть такое в наши дни! — сказал Николай Иванович возмущенно. — Чего ж милиция-то смотрит!?

— В том-то и беда, что не верит никто, — с досадой ответил Матвей Силыч. — В райцентр ездил, рассказал в исполкоме — на смех подняли. А того не поймут, что сторона наша — глуше, пожалуй, и не найти. Лектора сюда и на вожжах не затащишь, а Степанида день и ночь с бабами душеспасительные беседы ведет...

— Неужели верят ей?

— Сам, небось, убедился, — даже сплюнул в сердцах Силыч и насмешливо посмотрел на Корнеева. — Тебя, однако, и то чуть не окрутили, как телка, что уж тут о бабах говорить!

— Ну уж и «окрутили»... — пробормотал Николай Иванович. — И откуда развелась у вас нечисть эта?

— Говорят, еще при Петре Первом еретиков сюда ссылали. По всем буеракам старообрядческие скиты хоронились. Это так легко не забывается!.. Ничего-то вы, городские, не знаете!.. Ну лежи, завтра поговорим.

Утро опять выдалось яркое, свежее, как наливное яблоко, с росистой травой на лугах. Над мокрой после вчерашнего дождя дорогой висел прозрачный теплый пар.

А за лугами, в прозрачной синеве, молчаливо и сурово стояла островерхая стена тайги, со всех сторон обступившая деревню.

«А не пора ли мне к дому?» — вдруг подумал Корнеев.

На пустынной улице показался милиционер в красивой форменной фуражке. Он шел, задумчиво ковыряя спичкой в зубах и держа на отлете сигарету. Перед ним, в низко опущенном на лоб темном платке и с узелком в руках, семенила Степанида. Смиренная покорность «властям предержащим» читалась на ее лице.

— Вот и вся антирелигиозная пропаганда, — прогудел из-за плеча Матвей Силыч. — Великомученица! Посмеются в милиции над ее темнотой, да и отпустят восвояси... Никого она не била, ничего не украла... Может, хоть ты бы рассказал в городе про наши чудеса? — спросил он с надеждой.

Но Корнеев не слышал.

Он думал, что надо сходить на озеро за снастями, да и укладывать потихоньку, чтобы к вечеру отправиться на станцию. Мысль о том, что уже ночью он будет далеко от всей этой лесной чепухи, привела его в хорошее настроение.

— Бросьте вы, кто будет там полоумными старухами заниматься? Поважнее дела есть! — сказал он.

Матвей Силыч исподлобья посмотрел на него и ничего не ответил.

Все вышло так, как и рассчитывал Николай Иванович. Вечером, прошагав километров с пяток, он вышел на большак, и первая же попутная машина подкинула его на вокзал.

Там, в маленьком буфете, Корнеев с удовольствием выпил большую рюмку водки, закусил бутербродом с колбасой, и неприятный осадок от селищевской истории стал проходить.

Через час он сидел в теплом и светлом купе и с удовольствием прислушивался к веселому разговору попутчиков.

— А вот со мной вчера произошел забавный случай, — начал было он, тонко улыбаясь. И вдруг смешался, забормотал нечто невразумительное о том, что история эта длинная, а пора уже спать и, искусственно кряхтя, полез на свою полку.

Пассажиры удивленно переглянулись и опять заговорили о своем. Вскоре и они улеглись.

Тишина, убаюкивающее покачивание поезда, прохладное белье — все располагало ко сну, но едва Николай Иванович закрывал глаза, перед ним вставал беснующийся хоровод, искривленное лицо Павлы Сергеевны и Ленька в длинной белой рубахе. «Да я-то здесь при чем?!» — спрашивал он, будто убеждая кого-то. «Почему же не рассказал тогда «забавный случай»? — спрашивал чей-то голос. Побоялся, что спросят: «Почему же ты не вмешался?»

Николай Иванович тихонько слез с полки и вышел в коридор. За темным окном бежала в ночи плотная стена тайги. Корнеев прижался пылающим лбом к холодному стеклу, и ему показалось, что она тихо гудит, как натянутая басовая струна. «Ничем вы мне не поможете, дядя Николай!» — вдруг послышался ему тоненький Ленькин голос, и жгучее чувство стыда сжало сердце.

— Что, не спится? — спросила проходившая мимо проводница.

— А?.. — вздрогнул Корнеев и виновато улыбнулся. — Да, не спится...

РОДНИК НЕЗАМУТНЕННЫЙ

Знавал я когда-то лейтенанта Екатерину Ивановну Н., работника детской комнаты районной милиции. Зашел по редакционному заданию за справкой, да и засиделся у нее в кабинете: очень интересно оказалось наблюдать за ее работой.

День был праздничный, и хлопот у Екатерины Ивановны было невпроворот. То и дело в дверях появлялся милиционер, ведя за руку заревавшего малыша.

— Вот, товарищ лейтенант, еще один путешественник!

— Где нашли? У «Детского мира»? В магазине по радио объявили? ...Ну, конечно, мать, небось, вместо того чтобы там подождать, по всей Москве мечется...

И сама берется за телефон: — «Детский мир»? Объявите... Мальчик...— (Зажав ладонью микрофон): — Как зовут?.. Бутко Саша. У нас он... Ничего, ничего, повторите несколько раз. Вы же знаете, как родители ведут себя в этих случаях!

Окончив разговор, к парнишке: «Ну, рассказывай, где гулял, что видел?» — Не сюсюкает, будто даже и не сочувствует. Лицо спокойное, ясное, сама уверенность, что ничего страшного не произошло.

Удивительно, как быстро это «тети-Катино» спокойствие передается ребенку. Через несколько минут о слезах и помину нет: сидит, рассказывает о своих приключениях...

— Любите детей, Катерина Ивановна?

— Я их уважаю,— отвечает она.

— ?!

— Конечно. Помните у Леонова в «Русском лесе» эпизод? Вихров показывает с детства памятный родничок. Светлый, чистый. Над таким с благоговением, как перед чудом, хочется стоять, а Грацианский туда — палкой... Вот и дети — такие же роднички. Все!

— Ну, а малолетние правонарушители, вам ведь и с ними приходилось иметь дело?

— И они родники, только по нашему недосмотру какой-то «Грацианский» успел сунуть туда палку, замутить... Чистый источник, он всегда еще и целебный. Одно прикосновение к нему лечит... Хотите, расскажу об одном случае?

Рассказ меня растрогал, я его записал. Вот он.

...Как Генка потерялся? Ну, это самая обыкновенная история. В ГУМе мама попросила его подождать минутку у фонтана, а сама встала в очередь за елочными игрушками. И, конечно, свидание у фонтана не состоялось. Когда по магазину разнесся радиоклич: «Потерялся Гена Щекин, четырех лет, в сером пальто и шапке-ушанке», — мальчик был уже на улице. Заложив руки в карманы, он с интересом слушал, как милиционер разговаривает с тетенькой. Тетенька только что предлагала всем купить у нее елочку, а сейчас, прижимая ее к груди, плачущим голосом уверяла, будто сама купила вон на том углу.

— А я говорю, пройдет! — отвечал милиционер на все ее доводы и взял елку за кудрявую макушку.

— Дядя, ты зачем у нее отнимаешь? — спросил Генка.

Милиционер сердито оглянулся, а тетенька вдруг исчезла.

— Откуда ты взялся? Где твоя мама?

Генка удивленно посмотрел по сторонам. Действительно, мамы не было.

— Еще новое дело! — сказал милиционер. — Живешь-то ты где?

— В новом доме!

— Да, адрес точный... Ну что ж, пойдем со мной!

Так Генка попал в милицию. Там ему очень понравилось. Впервые, тепло, а он порядочно продрог. Во-вторых, Екатерина Ивановна, тетя в погонах, принесла ему сладкий чай с ванильным сухариком. Гена чинно, помня, что находится в гостях, откусывая от сухаря, слушал, как тетя Катя рассказывает всем по телефону, что он, Гена Щекин, находится здесь.

Допив стакан, Гена сказал «спасибо» и хотел отправиться к маме, но тетя в погонах сказала, что он заблудился, но пусть это его не беспокоит, и пусть он не боится, а посидит здесь, мама придет сама.

— Тогда я немножко погуляю, — сказал Генка.

— Погуляй, — согласилась Екатерина Ивановна. — Только никуда не уходи, и чтобы я видела тебя из окна.

Гена вышел на маленький дворик и увидел большого дядю с метлой в руке. Генка знал, что разметать пушистый снег страшно интересно, а дядя взмахнет раз — и стоит, взмахнет другой — и опять стоит...

Гена подошел поближе. Лицо у дяди было толстое и походило на подушку, которую долго мяти кулаками. Под глазами висели мешки, как у Пал-Иванычева бобика. Дядя весь трясся, хотя было вовсе не холодно.

— Здравствуйте, — сказал ему вежливо Генка. — Вы здесь живете?

— Кх, кх! — закашлял мужчина и недовольно посмотрел на Генку. — Нет, мальчик, я не здесь живу.

— Тоже заблудились?

Мужчина промолчал.

— Пусть вас это не беспокоит, — сказал Генка. — Вы уже пили чай? Хотите, я попрошу у тети Кати? С сухариком? Я тоже сначала замерз, а потом согрелся.

— Да, погреться чем-нибудь сейчас бы неплохо! — проворчал мужчина и замечтался, опершись на метлу.

Только теперь Генка разглядел, что под правым глазом у него был не мешок, а синяк, здоровый, прямо целая шишка.

— У меня тоже в прошлом году был такой, — сказал он задумчиво, — я с лестницы упал. Больно, наверно? А вас как зовут?

— Ты, может, пошел бы, парень?.. — полувопросительно сказал дядя. — Ну, Матвей меня зовут... Матвей Иванович.

— А елку вы уже купили, Матвей Иванович? — осведомился Генка. — Мы с мамой ходили, ходили, искали, искали... Насилу нашли! Без елки нельзя, — наставительно продолжал Гена, совсем как Щекин-старший, — что ж за Новый год без елки? Детям обязательно нужно елку. У вашего мальчика будет елка?

Мужчина остановился и полез в карман за папиросами. Папиросы попадались сломанные, и он сердито бросал их в снег. Наконец нашлась целая. Матвей Иванович стал прикуривать. Голова и руки у него тряслись, как у бабушки из шестого подъезда.

Генка вспомнил про чай и направился к тете в погонах.

— Нагулялся? — спросила Екатерина Ивановна.

— Дайте еще чаю, пожалуйста, — попросил он, — и сухарик. — Подумал и добавил: — И конфетку!

— Ну что ж, — сказала тетя и принесла стакан на блюдечке, сухарь и конфету.

Генка взял чай и, стараясь не расплескать, пошел к двери.

— Ты куда? — удивилась тетя.

— Там дядя от холода весь трясется, — объяснил Генка.

— С похмелья он трясется! — сердито сказала Екатерина Ивановна. — Не ходи туда! Сиди здесь!

— Хорошо, — согласился Генка, — я только попрощаюсь. — И опять отправился на двор.

Ему было очень неловко перед Матвеем Ивановичем.

— Нету чая, — сказал он ему смущенно. — А конфетка — вот берите, не стесняйтесь.

Матвей Иванович взял конфетку толстыми, негнушимися пальцами, осторожно подержал в руках и протянул обратно.

— Спасибо, — сказал он, усмехаясь. — А чаю с сухариком мне, брат, пожалуй, и не полагается.

Он взял метлу и так яростно стал разметать снег, что на дворе поднялась метель.

— Вот это да! — с восхищением сказал Генка. — А я думал, вы не умеете... Подметете, и вас домой возьмут?

— Нет, брат, сегодня я домой не попаду и завтра тоже.

Генка замер от изумления.

— А Новый год, Матвей Иванович, где будете встречать?

— Видно, здесь, — сказал Матвей Иванович, размахивая метлой.

— А мой папа говорит, что под Новый год вся семья должна быть вместе, — задумчиво сказал Генка. — Но это, наверное, как кто хочет, — добавил он деликатно после некоторого раздумья. — Только дома все-таки лучше!

— Гена! — позвала Екатерина Ивановна. Она давно уже стояла в дверях и слушала разговор. — Иди, мама звонит! Зайдите и вы, Матвей Иванович, выпейте на самом деле чаю, — уже другим тоном закончила она.

Мужчина сделал вид, что не слышит.

— Что ж вы? — удивленно сказал Гена и взял его за руку. — Ведь сами говорили: «Погреться бы неплохо!» — И тихонько потянул его за собой.

Матвей Иванович вдруг засмеялся, покачал головой, воткнул метлу ручкой в снег, и они пошли в детскую комнату.

Пока он, конфузливо держа стакан огромными пальцами, пил чай, приехала мама. Глаза у нее были заплаканные. Она поблагодарила Екатерину Ивановну и крепко взяла сына за руку.

— Занятный у вас парнишка! — сказал ей Матвей Иванович, стыдливо прикрывая ладонью синяк. — Ну, будь здоров! — И долго смотрел обоим вслед.

Мама еще прижимала к глазам платок, а Генка о чем-то рассказывал, размахивая руками в пушистых варежках.

Очевидно, про дядю, который решил встречать Новый год не дома, как все, а в милиции.

БРИЛЬЯНТОВЫЕ СЕРЕЖКИ

Белые стены, белый потолок и бледное юное лицо на подушке, безучастно глядящее в окно.

Огромную светлую палату затопило весеннее солнце. И как яблони в цвету — женщины в белых повязках, склонившиеся над своими малышами. Все красивые, похожие друг на друга тем выражением сосредоточенной нежности, которой светятся лица кормящих матерей. В наступившей тишине слышится сладкое причмокивание, довольное урчание и посапывание.

Только один ребенок еще на руках у няни. Сначала он недовольно кряхтит, потом заливается обиженным плачем.

— Танюша, нужно покормить сына! — говорит заведующая родильным отделением Полина Андреевна, склонившись над постелью. — Неужели тебе не совестно?.. Ну, хоть погляди на него... Марфа Григорьевна, поднесите ближе! Ух, какой роскошный!

Таня нехотя поворачивает голову.

— Да... Вижу.

— Он есть хочет, Таня!

— Накормите!

— Ты же мать, на что ты обрекаешь своего ребенка? Это бесчеловечно. Неужели тебе его не жалко? Ведь это преступление!

— Что вы меня пугаете! — кричит молодая женщина, приподнимаясь на кровати. — Советские законы разрешают оставить ребенка здесь... Мне он не нужен... И хватит об этом!

Полина Андреевна стоит безмолвно. Что делать, какие слова нужны, чтобы пробудить в этой юной, но уже очерстевшей душе если не любовь, то хотя бы сострадание?

— Доктор, да что вы эту дрянь уговариваете?! Дайте малыша. У меня молока на двоих хватит! А эту... уберите от нас, видеть ее не можем!

Таня вздрагивает, как от удара, хочет что-то ответить, но со всех сторон вонзаются в нее ненавидящие взгляды, и она с головой зарывается в подушку.

— Спасибо,— говорит Полина Андреевна Таниной соседке по кровати,— его накормят... Унесите ребенка, Марфа Григорьевна,— обращается она к няне и, расстроенная, выходит из палаты.

В коридоре к ней подходит дежурная сестра.

— В приемной девочки из института, ее подруги... Целый чемодан принесли: одеяла, пеленки, подгузники... Цветов целый воз, поздравления... Не знаю, что и делать. Пока не приняла, сказала, с вами посоветуюсь, как, мол, доктор скажет...

— Пусть через несколько дней придут,— подумав, отвечает заведующая.— Я не теряю надежды. Мы вызвали Таниных родителей. От разговора с ними многое зависит!

...Родители прилетели немедленно. Их принимала юрист роддома Клавдия Сергеевна.

— Вы, конечно, знаете, в чем дело?

— Да,— говорит отец,— только что видели Татьяну. Мы потрясены. Жене чуть не сделалось дурно... Единственная дочь... Все для нее и ради нее, и вдруг, как удар грома... Мы даже не знаем, кто виновник!

— Ну, это не трудно выяснить,— успокаивает юрист,— может быть, этот «виновник» и сам не знает, что стал отцом. Мы поможем найти его, глядишь, все станет на место.

— Это совершенно исключено,— решительно отвечает папа,— Таня его не любит и думать не хочет о замужестве. Понимаете, произошла ошибка. Издержки молодости, неопытность, вспышка чувств... Бедная девочка, ей и так тяжело, а в палате на нее смотрят, как на зачумленную. Разве можно в таком случае отказывать в милосердии?!

Клавдия Сергеевна еле сдерживается, слушая эту тираду. Но эмоции сейчас противоположены. Нужно сражаться за малыша.

— Судя по тому, что Таня явилась к нам в бриллиантовых сережках и с золотыми кольцами на пальцах, вы люди обеспеченные,— говорит она спокойно,— внук не будет для вас обузой. А там и Таня его полюбит, оформит, в случае необходимости, академический отпуск в институте...

— Девочке придется терять год, а то и два... А потом, кто возьмет ее замуж с ребенком?! — напористо спрашивает отец.

Милосивая мама тоже удивленно поднимает подбритые брови:

— Вы хотите, чтобы я в сорок лет стала бабушкой?!

Клавдия Сергеевна не сдается, хотя так хочется крикнуть: «Да люди вы или чурки деревянные?! Не имеете права своего внука бросать!» Нельзя. Закон действительно на их стороне... Она снова взывает к человечности, толкует о морали, хотя, глядя на каменные лица супругов, понимает, что все это напрасно.

— Что вы так распинаетесь, мы уверены, что вы прекрасно устроите ребенка!

— Итак, вы согласны с решением дочери?

— Конечно,— говорит мама.— Так будет лучше... Но мы надеемся, что все это останется тайной...

Тайна будет сохранена. В этом Таня и ее родители могут быть совершенно уверены. Сохранена не ради того, чтобы оградить их от осуждения, а ради ребенка. Во имя его и с меня взяли обещание, что я здесь не назову подлинные имена, фамилии и адреса.

...Клавдия Сергеевна встает, давая этим понять, что разговор окончен. Потом вызывает Таню.

— Может быть, измените свое решение? Нет! Тогда вот бумага и ручка. Пишите: «Согласие на передачу сына на усыновление.— С новой строки: «Я — имя, отчество, фамилия, год рождения, номер паспорта, кем выдан... родила сына — число, месяц, год... в роддоме города... В браке не состою, проживаю по адресу... Даю свое согласие на передачу моего сына для усыновления в любую семью по усмотрению органов опеки. В дальнейшем обязуюсь никаких прав на ребенка не предъявлять»...— Последние слова подчеркните. Написали? Все. Можете идти.

Потом Клавдия Сергеевна подходит к окну и долго смотрит вслед легкой фигурке, весело бегущей к автобусной остановке, где уже ждут ее, приветливо машут рукой ее папа и мама. Как рады они, что так хорошо все обошлось!

Нет, нет, я думаю сейчас не о ребенке. Он не останется сиротой. Когда я шел к юристу роддома, у дверей ее кабинета сидели люди. И старые и молодые. Меня поразило, помню, общее для всех лиц выражение — робкая надежда, волнение, ожидание чего-то несбыточного — даже не знаю, как полнее выразить их состояние... Это те, кто на себе испытал, как пуста жизнь без «ребячьего колокольчика» в доме. Как великого счастья, как милости ждут они разрешения взять на воспитание, усыновить покинутого малыша, чтоб всей своей нерастраченной нежностью постараться возместить ему горькую утрату.

У Таниного сына будут и отец и мать. Но не преждевременна ли радость Тани и ее близких?

Клавдия Сергеевна рассказывает, как однажды на улице к ней подошла женщина:

— Узнаете?

Еще бы не узнать... Хотя М. страшно, неузнаваемо изменилась. Миловидное свежее лицо побледнело, морщины у поблеклых глаз, и горькие, скорбные складки пролегли к углам рта.

Три месяца назад, на второй день после родов, она сбежала. Выпрыгнула в окно палаты, прямо в больничном белье. Ее разыскивали. Но М. все, казалось, предусмотрела: сведения, которые сообщила

о себе, были ложными, паспорт «потеряла». Не предусмотрела только одного...

— Простите! Делайте со мной, что хотите, только отдайте девочку! Если не отдадите — жить не буду! Не могу больше мучиться! Пожа-лейте.

— И вы знаете,— Клавдия Сергеевна счастливо улыбается,— ей повезло: дочка немного заболела и еще находилась в детприемнике. Матери разрешили ее взять. Когда она схватила ребенка... Мы — и то все заплакали...

Бывает и по-другому.

В моем блокноте записана трагедия одной молодой актрисы. Вот коротко эта история: счастливая семья. Любящий муж. Обожаемый ребенок. Правда, с ребенком, особенно в первое время, было трудно: ей пришлось на год покинуть сцену. Муж, преуспевающий инженер, тоже вынужден был принять участие в семейных хлопотах... Поиски няни, ребячьи болезни... И вот, когда все это уже осталось позади,— вторая беременность. Аборт грозил осложнениями для здоровья матери.

— Мы с мужем все взвесили, все продумали,— плача, говорила молодая женщина в родильном доме.— Мне бросать сцену навсегда, а мужу отвлечаться от научной работы... Нет, не имеем права! Опять пеленки, вечные страхи и тревоги... Когда жить? Молодость не вечна!

Ребенок остался в родильном доме, а потом был отдан для воспитания в другую семью.

А через год с небольшим эта женщина на приеме у юриста билась в нервном припадке. Первый ее ребенок заболел и умер. Вскоре ее оставил муж. Одна... Одна в целом мире... Одна? Но у нее есть же родная кровь, ее мальчик, ее дитя! «Где он, куда вы его дели?!»

С тягостным чувством стояли вокруг несчастной женщины сотрудники больницы.

— Ваш мальчик всем обеспечен. Его очень любят в той семье,— сказал юрист.

— В той семье... Какой «той»?! Он мой, а там он приемыш! Как вы можете говорить все это матери?! — кричала несчастная.— Скажите, где он! Я сама поеду... Брошусь в ноги, буду умолять. Они поймут!..

Адреса новой семьи мальчика ей, конечно, не дали. Не имели права. Ведь она своей рукой написала: «обязуюсь никаких прав на ребенка не предъявлять»...

Не знаю подробно дальнейшую судьбу этой женщины, так, казалось бы, «мудро взвесившей» свою жизнь. Известно только, что она долго болела. Вряд ли затянется когда-нибудь страшная рана, которую она нанесла себе.

Минует ли Таню эта горькая участь? Трудно сказать. Но напрасно она думает, что пройдет для нее бесследно, забудется совершенная ею жестокость. Она еще отзовется острой, незаживающей болью.

Если... Если, конечно, брильянтовые серьги не заменят ей все человеческое.

ШУТКА НЕМЕЗИДЫ

Когда Воронов собрался наконец в магазин, уже завечерело. Вкусно пахло морозцем. Падал легкий снег и тротуар был таким чистым, хрустящим, что было жалко пятнать его следами.

Улица, где он жил, и всегда-то тихая, в этот час совсем была пустынна. Только маленький мальчик с независимым видом стоящий у фонаря, и попался ему на пути.

— Ты чего здесь стоишь один? — спросил он, задержав шаг.

— Я жду маму, она в магазине, — с достоинством ответил малыш. — Мама в очередь встала, а я погулять вышел.

— Ну-ну, — сказал Воронов и пошел дальше.

Купив бутылку вина, сыр, он пошел было к двери, но вдруг вспомнил про парнишку на улице и спросил, не искал ли кто ребенка. Оказалось — нет, никто не спрашивал.

«Странно!» — подумал Воронов.

На обратном пути он еще издали заметил маленькую фигурку и опять подошел к мальчику.

— Где же твоя мама?

— Не знаю... — ответил тот, поднимая на него теперь уже покрасневшие глаза.

— Гм... — смутился Воронов. — В каком же магазине вы были?

— Н-не знаю, я за черненькой собачкой побежал...

— И долго бежал?.. Ну что ж, пойдем?

— Пойдем, — сказал малыш и доверчиво подал ему руку.

Дома Воронов сразу же позвонил в милицию, потом оглянулся на гостя. Тот смиренно стоял в прихожей и выжидательно смотрел на него.

— Ну-с, — бодро сказал Воронов, — прежде всего я полагаю, нужно раздеться. Как снимается твоя амуниция? Шарф этот, например... Ага, узел на спине... Теперь шубу долой! Ты, главное, не бойся!

— Я не боюсь, — сказал мальчик.

— Ну и хорошо... А шапка у тебя на чем держится? Понятно: тесемки... — бормотал он, стараясь не коснуться холодными пальцами теплой шейки ребенка, — готово!

В комнате он усадил парнишку на диван и стал думать, что делать дальше.

— Так, значит... Ну, давай знакомиться. Тебя как зовут?

— Слава. Мне четыре года и пять месяцев... А вас?

— Меня — Федя... Федор Степанович то есть... Можно дядя Федя.

— Вы один живете, дядя Федя? — спросил мальчик.

— Один, — слегка удивился Воронов. — А что?

— И не скучно?

— Да нет... Впрочем, иногда скучновато бывает.

Он ожидал еще вопросов, но Слава молчал, с удивлением оглядывая комнату. Воронов тоже посмотрел вокруг и словно впервые увидел пыль на полу, пепельницу, набитую окурками, старые ботинки в углу и разбросанные всюду недочитанные книги. Потом перевел

взгляд на Славку и вдруг подумал, что и воздух здесь тяжел для свежего человека. Воздух комнаты, где живет одинокий, не очень чистоплотный, уже пожилой человек. «Форточку открыть — так простудится еще... А вообще говоря давно пора навести порядок!»

И стыдливо прикрыл газетой тарелку с засохшей колбасой.

— Я пописать хочу,— сказал Славка.

— Иди вон в ту дверь,— сказал Воронов,— постой, свет зажгу...

Славка пошел в уборную, но по дороге остановился и вопросительно посмотрел на Воронова.

— Иди, не бойся,— не понял Федор Степанович,— там светло.

Он закрыл за Славкой дверь и, беспричинно улыбаясь, заходил по комнате: «Занятный парнишка,— подумал он вслух и вдруг хлопнул себя по лбу: — Ведь он небось есть хочет! Как же я не догадался!»

Он пошел на кухню и открыл холодильник. Там стояли три бутылки пива, банка с заплесневевшими огурцами, бутерброд с засохшей красной икрой: понюхав, Воронов сразу же выбросил его в мусорное ведро. Связка воблы еще висела на веревочке. Воронов поклобался и тоже ее оставил.

— Что-то ты там долго? — громко спросил он, направляясь в комнату.

Дверь отворилась, и показался Славка с опущенной головой.

— Что случилось?! — всполошился Воронов.

— Я не успел... — сказал Славка и добавил с упреком: — Рейтузы-то на помочах!..

— Ах, ты, горе мое,— неожиданно для себя певучим голосом сказал Воронов.— Что ж ты молчал-то!.. Ну, ничего. Сейчас мы их простирнем... Садись пока на диван, я тебя одеялом укрою!

Не переставая улыбаться, он нацедил полную ванну горячей воды, натер рейтузы туалетным мылом и долго полоскал, подняв в ванне целую бурю.

— Ну, вот и готово,— весело кричал он,— сейчас мы с тобой их на батарею: мигом просохнут!.. Чего ты смеешься, дурачок?

— Дядя Федя, вы весь мокрый! — в восторге кричал Славка.

Воронов посмотрел на себя и тоже засмеялся.

— Слушай-ка,— сказал он,— ты, может, колбаски хочешь?

— Хочу,— сказал Славка.

— Это мы мигом,— засуетился Воронов и вдруг всплеснул руками: — Ты знаешь... Хлеба-то я забыл купить! Но зато у нас еще сыр есть. Давай без хлеба, а?

— Давай,— сказал Славка.

Воронов поставил на диван тарелку с сыром и колбасой, и они, сидя друг против друга, стали уплетать нехитрую эту снедь.

— Все! — объявил Воронов, опрокидывая тарелку вверх дном.— Ты посиди пока, я сейчас утюг поищу: где-то должен быть утюг!

Чихая от пыли, он долго шарил в чердачке над кухонной дверью, пока не нащупал ручку утюга, а когда вернулся в комнату, Славка крепко спал, привалившись к спинке дивана.

— Умаялся,— тихо сказал Воронов, осторожно уложил мальчика

на спину и подложил под голову подушку, предварительно обернув ее чистой простыней.

Влажные рейтузы парили под утюгом. Воронов осторожно гладил, поглядывая на Славку. Тот тихо посапывал, и щеки у него были такие розовые и тугие, что хотелось дотронуться до них пальцем.

Необыкновенно уютно было от него в комнате!

«А что,— размышлял Воронов,— бывает же, что милиция не сразу находит родителей... Или другая какая задержка произойдет... Тогда утром надо сходить в магазин, купить чего-нибудь вкусенького...»

Он представил себе, как они сидят со Славкой за столом: завтракают. Потом они сходили бы в зоопарк!

И в это время раздался телефонный звонок.

— Да-да,— сказал он в трубку.— Здесь он, здесь! Спит. Абсолютно здоров!

Тут резко запахло паленым.

— Одну минуту! — крикнул он, подбежал к столу и снял утюг с рейтуз.

— Слушаю, слушаю вас... Да-да, приезжайте!

Утюг четко отпечатался на голубых рейтузах. Воронов попробовал стереть рыжее пятно мокрой тряпкой. Ничего не получилось, и он, махнув рукой, осторожно присел на диван и стал смотреть на спящего Славку.

За окном зашумела и остановилась машина.

Воронов открыл дверь и вышел на лестничную клетку. Когда послышался торопливый стук каблуков, он перегнулся через перила и крикнул вниз: «Сюда, сюда!»

Первой, так стремительно, что он едва успел посторониться, вбежала женщина в распахнутом пальто. Затем быстро вошел мужчина.

— Где?! — спросил он одними губами.

Воронов молча кивнул на комнату.

Когда они вошли, женщина уже стояла на коленях у дивана, уткнув голову в подушку.

— Ну-ну, успокойся, слава богу, все уже позади,— сказал мужчина и погладил ее по голове.— Как мы вам благодарны! Где вы его нашли? — обратился он к Воронову.

— Да здесь, неподалеку,— сказал Федор Степанович,— на улице стоял.

— Вот ведь куда забрел, сроду бы не догадаться! — покачал головой мужчина и, мягко отстранив женщину, взял Славку на руки.

— Штанишки вот,— сказал Воронов, протягивая рейтузы.— Несчастье у нас случилось... Подпалил я их, извините.

— Спасибо вам, хороший человек,— лепетала женщина, одевая ребенка.

Воронов проводил их до двери, потом вернулся к себе и лег на диван, закинув руки за голову.

«А годы летят, как в степи поезда!» — вдруг припомнились ему слова старинного романа.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Утром дед Матвей пришел на реку и ахнул: мать честная! Жерлица, поставленная вчера, была размотана. Толстая леса уходила аж к другому берегу и дергалась, как живая.

Дед потянул за жилку: сначала рыбина шла спокойно, как вареная, но у самого берега вода забурлила, огромный хвост вспенил воду, а потом показалась сама щука.

С трудом выкинув ее на берег, дед отер пот с лица, еще не веря своей удаче.

Но щука — вот она — смирно лежала в осоке, глядела на него злыми зелеными глазами и судорожно разевала пасть.

Всю дорогу дед Матвей тащил ее за спиной на веревке, но когда дошел до своей деревни, взял, как малое дитя, на руки и пошел серединой улицы.

«То-то вот, — рассуждал он, вспоминая невестку. — «Дед Матвей хил стал, дед Матвей умом, как ребенок малый...» Вчера на всю деревню причитала: послала, дескать, кур покормить, а он всех цыплят передавил... И набрехала ведь, язва: только на одного, рябенького, и наступил... Вот приду сейчас: «Примите, Настасья Петровна, за вашу великую потерю!»

Дед усмехнулся, но сейчас же согнал улыбку с лица: женщины, болтавшие у колодца, заметили его и враз замолчали. У Варьки Паниной даже челюсть отвисла.

— Дедуня, Матвей Григорыч, — всплеснула она руками, — да как ты такого крокодила вытащил?!

— А чего ж диковинного? — сдержанно ответил дед. — Небось не впервой... Это ваши мужики двух пескарей поймают — звону на весь район... Соображение надо иметь! Дайте-ка попить, бабы!

Дед Матвей наклонился к полному ведру, стоящему на срубе, и тут щука, доселе лежавшая на руках, как дохлая, вдруг встрепенулась, изогнулась кольцом и молнией выскользнула из рук.

Немного погодя из колодца донесся гулкий всплеск.

— А?! — произнес дед, раскрыл рот и с недоумением посмотрел на пустые руки. — А, бабы, это... Это как же так?

Первой закатилась от хохота Варька.

— Ох, дедушка, ох, Матвей Григорыч, ох, угомону на тебя нет... Зачем же ты ее в колодец-то бросил?

Глядя на нее, залились смехом и другие женщины.

— Да замолчите вы, балаболки, — плачущим голосом кричал дед, — что ж я, нарочно, что ли? Сама прыгнула, нечистик окаянный... И дернул меня лучший к вам подойтить!

День, как нарочно, был праздничный и у колодца собралось чуть ли не полдеревни.

— В чем дело, товарищи? — послышался строгий голос. Осто-

рожно ставя ноги в начищенных сапогах, подходил участковый милиционер Залетов.

— Да вот дедушка Воронов щуку в колодец бросил,— доложила Варька.

— Зачем? — спросил Залетов.

— Это у него научный эксперимент,— сказала Варька, фыркая в кулак,— можно ли в колодцах рыбу разводить.

— Вечно вы что-нибудь придумаете, Матвей Григорьевич,— недовольно сказал Залетов.— Кто же в колодцах рыбу разводит?!

Дед тяжело задышал, хотел что-то сказать, но окинув взглядом хохочущих людей, плюнул себе под ноги и, безнадежно разводя руками, пошел домой.

Целый день перед колодцем толпился народ. Варька Панина стала после деда вторым героем дня. Она с увлечением представляла в лицах, как все произошло, с каждым разом оснащая историю все более красочными деталями.

К вечеру сюда подошел хозяйственный мужик Иван Гаврилович. Выслушав Варькин рассказ, он заглянул в колодец, а придя домой, задумчиво посмотрел на новую толстую веревку, купленную накануне в сельпо.

Спасаясь от насмешек, Матвей Григорьевич весь день пролежал на сеновале и пришел в избу только к ужину.

Ожидая подвоха, он сначала опасливо косился на невестку, но та лишь хмыкнула разок, когда подавала жареную картошку, а больше-го себе не позволила: муж, Николай Матвеевич, сидел за столом...

Поев, дед вышел и уселся на завалинку рядом с внуком, безучастно глядевшим на улицу полными слез глазами.

— Дед, чего ж щука в колодец прыгнула? — спросил он.

— А кто ж ее знает, Петя, чего ей вздумалось.

— Может, она не простая, щука-то?

— Щука необыкновенная,— сказал дед,— старая, аж мохом поросла, глазищи зеленые. Все рот разевала, будто сказать что силилась...

— Может, спросить хотела: «Чего тебе надобно, старче?» — задумчиво сказал Петька.

— Ну, это только в сказках рыбы говорят!

Петька с недоверием посмотрел на деда и замолчал. Глаза его опять налились слезами.

— А ты-то чего такой скучный? — спросил Матвей Григорьевич.

— Отец завтра в город за кино собирается, а меня не берет,— сказал Петька, всхлипнув,— мал, говорит, потеряешься еще... А мне уж шестой год!

— Обоим нам не повезло, значит,— вздохнул дед.

...Три человека в деревне не спали этой ночью. Одним, как вы понимаете, был дед Матвей. Другим — его внук Петька:

«Старая, мохом поросла... Сказать что-то хотела... Может, та самая и есть?!» Мысль эта так поразила Петьку, что он вскочил и начал одеваться.

Неисповедимы пути судьбы. Как раз в то время, когда Петька вскочил с кровати, третий полуночник, хозяйственный мужик Иван Гаврилович, приладив новую веревку к колодезному вороту, осторожно спускался вниз, упираясь ногами в бревенчатый сруб.

Он уже почти достиг воды, когда сверху послышался робкий голосок: «Щука, а щука!»

Иван Гаврилович замер, стараясь не выдать себя.

— Щука, а щука! — раздалось еще явственнее.

«Петька Воронов», — узнал Иван Гаврилович, — всю деревню разбудит, паршивец!»

Висеть на веревке было трудно, а бревна сруба здесь, в глубине, были осклизлые от сырости, и сапоги непрестанно с них срывались.

— Щука, а щука! — позвал Петька громче. — Я тебе поесть принес!

На голову Ивана Гавриловича посыпался навоз. Потом что-то холодное, но живое поползло за шиворот. «Червяки!» — догадался он и, не помня себя от злости, закричал: — Петька, чего тебе здесь надо?

Но грубый голос, рожденный в гулкой глубине, на поверхности прозвучал приглушенно и таинственно. Петька затрепетал, хотел сейчас же убежать, но взял себя в руки и жалобно сказал: «Отец в город не берет!»

— Ладно, иди домой сейчас же! — крикнул Иван Гаврилович, тщетно пытаясь закрепить на срубе растопыренными ногами. Руки, сжимавшие веревку, немели.

— А исполнишь? — спросил Петя.

— Иди домой, говорят! — взревел осатаневший Иван Гаврилович.

— Спасибо, щука! — прокричал в колодец мальчик и помчался к дому.

Иван Гаврилович начал опять спускаться, но невыносимо свербило за шиворотом. Он занес руку, чтобы раздавить червяка, и упал в ледяную воду. «Спасите!» — крикнул он шепотом. Но вода, слава богу, доходила лишь до пояса и успокоившись, он начал шарить под срубом. Два раза наткнулся на щуку, но каждый раз холодное верткое тело ускользало из рук.

«Да пропади ты пропадом вместе с дедом!» — обозлился он наконец и, мокрый от холода, трясаясь как в лихорадке, полез наверх. По пути зацепился за гвоздь и оставил на нем хороший кусок куртки, что, понятно, не улучшило настроения...

А Петька лежал с бьющимся сердцем и ждал. В шесть часов наконец скрипнула кровать: отец проснулся.

— К обеду-то приедешь? — сонным голосом спросила мать.

— Если в кинопрокате не задержат, раньше приеду,— сказал Николай Матвеевич.

Петька вошел в комнату и остановился у двери.

— А ты чего? — изумилась мать.

«По щучьему велению, по моему прошению...» — произнес Петька про себя.

— Взять что ли его, мать, пусть прокатится? — сказал отец.

— Возьми уж,— отозвалась та,— одного только не оставляй!

«То-то!» — с удовлетворением подумал Петька и побежал одеваться.

Щучье слово действовало и в городе. Увидев леденцы, Петька мысленно заказал щуче двух петушков на палочке, и отец сейчас же их приобрел. Кроме того, был куплен еще и самосвал, который, стоило его завести, долго ездил сам.

А дед Матвей рано утром пошел к колодцу, будто за водой, на самом деле с тайной надеждой поймать щучку бадейкой. Но вместо нее выловил лишь большой кусок «болоњи». Он долго разглядывал его, недоумевая, и, завидев спешившего на работу Ивана Гавриловича, окликнул: «Гляди-ка, сосед, чего такое я вытащил?»

— Пошел ты к черту, старый козел, одна морока от тебя в деревне! — пробормотал тот и ускорил шаг.

«Чем это я его обидел?» — удивился Матвей Григорьевич, потом посмотрел соседу в спину, где красовалась заплатка, сопоставил ее размеры с лоскутом и, пораженный догадкой, заглянул в колодец. Но щучка плавала на поверхности, слабо колыхая хвостом. Так ничего и не поняв, дед взял ведра и отправился домой.

К обеду вернулся Николай Матвеевич с сыном.

— Ну, дед, чего тебе хочется? — спросил Петька, хитро улыбаясь,— блинцов хочется?

— А что, разве мать затевала? — оживился Матвей Григорьевич.

— Ладно, будут тебе блинцы! — важно сказал внук.

Однако за столом, сколько ни повторял он мысленно: «По щучьему велению, по моему прошению...», блинцы не появлялись.

«Почему?!» — терзался Петька.

В это время дверь открылась и на пороге появилась Варюха Панина.

— Хлеб да соль!.. — сказала она.— Плакала добыча-то, Григорьевич, какой-то турист сейчас твоего крокодила якорьком выдернул. Дохлая уже...

— Ну и шут с ней,— неожиданно ответил дед,— я из-за нее чуть ли не со всей деревней перессорился!

Горевал о щуче один Петька.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

На поверку не явились...	3
День отдыха	5
Степан Иванович	13
Белые поля Подмосквья	18
На озере Тихом...	24
Родник незамутненный	33
Брильянтовые сережки	37
Шутка Немезиды	41
По щучьему велению	44

Борис Сергеевич ПРОТОПОПОВ

НА ПОВЕРКУ НЕ ЯВИЛИСЬ...

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 30.01.85. Подписано к печати 13.03.85. А 00340. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,17. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз. Изд. № 851. Заказ № 170. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

С 1 ЯНВАРЯ 1983 ГОДА ВВЕДЕНЫ НОВЫЕ УСЛОВИЯ СТРАХОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ.

● В обязательном порядке страхованию подлежат только крупный рогатый скот, лошади и верблюды в размере 40% их стоимости по государственным закупочным ценам.

● В дополнение к обязательному страхованию эти животные могут быть застрахованы также и в добровольном порядке, что обеспечит их владельцам получение дополнительной суммы возмещения за ущерб в случае гибели животных.

● Овцы, козы, свиньи, ослы и мулы подлежат страхованию лишь в добровольном порядке, в пределах 80% их стоимости по государственным закупочным ценам.

● Страховое возмещение выплачивается органами Госстраха при падеже животных от болезней, а также при гибели их от пожара, удара молнии, действия электрического тока, наводнения, бурана, града, внезапного отравления ядовитыми травами или веществами, нападения зверей, попадания под средства транспорта и других несчастных случаях.

● Договоры добровольного страхования животных заключаются сроком на 1 год.

Граждане!

● Не забудьте заключить и своевременно возобновить договоры страхования принадлежащих вам сельскохозяйственных животных. Это в ваших интересах.

Госстрах РСФСР